

**ИЗ ПЕПЛА
ВОЗРОДИТСЯ**

**ТАТЬЯНА
ФИЛЬЧЕНКОВА**

Татьяна Фильченкова
Из пепла возродится

«Автор»

2022

Фильченкова Т. В.

Из пепла возродится / Т. В. Фильченкова — «Автор», 2022

Мир умер. Мир возродился. Новые континенты, новые государства, новые религии, новые боги. Новые существа. Но люди? Изменились они или остались прежними? Зарнице довелось родиться в суровое время. Страна стоит на пороге большой войны, государи-Власты озабочены лишь пополнением казны, Огненные Отцы калёным железом выжигают любую скверну, а в далёком Загрядье поднимает голову древняя тёмная богиня Вириная. Как выжить в таком мире дочери простого крестьянина? В мире, где участь женщины predetermined с рождения. Где решения о браке принимает родня, а по прихоти мужа тебя могут бросить на костёр. Как выжить, не сломаться, не поддаться злым силам? И не просто сохранить себя, но и понять — кто ты на самом деле.

© Фильченкова Т. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Сговор	5
Глава 2. Невеста	10
Глава 3. Жена	17
Глава 4. Борщевики	21
Глава 5. Обитель	31
Глава 6. Снадобье	38
Глава 7. Пламень	43
Глава 8. Вдова	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Фильченкова

Из пепла возродится

Глава 1. Сговор

В дверь постучали громко и требовательно. Зара с матушкой переглянулись. В день Начала не принято ходить в гости, а в их дом и в другие дни мало кто заглядывал. Семья Польней только закончила чтение Огневого Писания. Отец заворачивал в красную ткань священную книгу, а женщины убрали со стола святозарные светильники.

– Ты ждёшь кого? – спросила матушка.

Отец мотнул головой.

Матушка оставила светильники и пошла открывать. Увидев гостя, охнула. На пороге стоял Буран Борщевик.

– Свет тебе и дому твоему, Брюква. Слышал я, искорка у вас зажглась. И у нас огонёк имеется. Опалим их вместе – очаг зажжём.

Зара замерла: неужели речь о ней?

Тем временем самый могущественный человек Трихолмки вошёл в дом.

– Свет тебе, Зарница Польнь. Вижу, не врут люди: готова вспыхнуть искорка.

Матушка только вчера нашла на чепец Зары красную ленту, извещающую о том, что девушка готова к браку. Но сговора к опалению так скоро не ждали. Четырнадцать витков ей перед осенью минуло, а шуплым сложением едва на десять тянула. Такая если и понесёт, то вряд ли разродится. Так кому же вздумалось взять недосочку в жёны, да ещё и Борщевика просить подействовать? Тот зря ноги топтать не станет.

– За чей же огонёк сам Буран так печётся? – наконец разлепил губы отец.

– А тебе, Зазимок, не всё ли равно? Уж отбиваться от женихов вам не приходится. – Гость сплюнул на пол. – Только и я за кого попало просить не стану. Для сына, Пламеня, жену выбираю.

Снова охнув, матушка опустила на лавку. Зара даже выдохнуть забыла. Хорошо, что волан скрывал лицо, и Буран не видел её распахнутых глаз. Опомнившись, она прижалась к плечу матери и зашептала ей в ухо:

– Не отдавай, не отдавай!

Брюква сама не знала, что думать. Не разыгрывает ли их богатый сосед для потехи? Только не любил Борщевик шутить, а с сыном его и впрямь беда приключилась. Всем хорош Пламень вышел: крепкий, высокий, темнокудрый, как все Борщевики. В Трихолмке девицы вздыхали по нему и украдкой, и в открытую. Да приглянулся он Горлинке, травнице-отшельнице, а по сути, ведьме настоящей. Как она парня приворожила, никто не знал, только с тех пор присох он к ней, на других не заглядывал. И хоть породниться с Бураном все за честь считали, переходить дорогу знахарке не отваживались.

– Да разве ж пара она сыну твоему, Буран? – пролепетала матушка. – Ты ему и пригляднее невесту сыщешь.

– Это уж мне решать, какая для моего сына годится. Или ты, Брюква, нос от Борщевиков воротить? – Он заглянул под чепец хозяйке. Матушка совсем смутилась и затихла. Гость кивнул: – Так-то. А что девица тощая, так не беда, молодая ещё. Был бы хребет крепок, а соку наберётся.

– Слишком уж честь велика, растерялась баба глупая, нежданно счастье-то свалилось. – Зазимок говорил нарочито радостно, но глаза блестели зло. – Кто ж от такого родства отказывается?

– Так по рукам, значит?

– А то. Сейчас и скрепим. – Отец зажёл один из свечечей, подержал ладонь над огнём. Буран повторил жест за хозяином и сжал его руку своей.

– Вот и сговорились. Не будем в день Начала о делах, завтра же явись ко мне, обсудим что к чему. Ну, прощай, Зарница, пусть Свет хранит твою чистоту, скоро свидимся. Прощай, Брюква, наставляй искорку.

Только Зазимок затворил за гостем дверь, Брюква забыла о почтении к мужу и накинулась на него с упрёками:

– Что нам в том родстве? Да Борщевик тебя и на порог не пустит! Только доченьку зря сгубишь, изведёт её ведьма. Зазимок, Светом заклиная, отступись!

– Вспомнила о Свете! – Отец скривил рот, на мать не посмотрел. – Поздно! Договор перед свечечем скреплён. И уж не ей ведьмы бояться. Хватит блажить, лучше обедом займитесь.

И вышел, бросив дверь открытой. В доме закружился стылый воздух.

Оставшись наедине с матерью, Зара тихо заплакала:

– За что отец меня не любит?

– Не говори глупостей! Ему не до нежностей с такой жизнью. – Матушка раздувала огонь в печурке. Её обычно красное лицо сделалось багровым. Заслышав всхлипывания дочери, смягчила тон: – Давай-ка лучше горох перебери, чем языком молоть. Раз договор скреплён – пути обратно нет. Не так уж всё и плохо. Жених – загляденье! И жить в достатке будешь. А что до знахарки, так и она со временем отступится, как бы ни были чары сильны, а и они не крепче опаления.

Зару не успокоило утешение. Пламень больше пугал её, чем привлекал. Сам парень едва ли знал о существовании той, которую отец назначил ему в жёны. А вот Горлинка и вовсе приводила Зарницу в трепет. Чужачка появилась в Трихолмке два витка назад. Красивая, сильная, живущая не по правилам деревни, она всякий раз при встрече так пристально смотрела на Зару, что ту дрожь пробирала.

К возвращению отца стол был накрыт. Ели без разговоров, но каждый молчал по-своему: Зазимок – угрюмо, сосредоточенно черпая ложкой похлёбку, Брюква молчала виновато, а Зара – потому как нечего девице рот попусту открывать, ей и глазеть-то по сторонам не полагалось, для того и спускался волан до самого носа, чтобы смотрела только куда ноги ступают да что руки делают. Но настроение родителей чувствовалось и под завесой. Матушку было жаль. Ещё совестно, что за заступничество досталась ей брань. А вот отец после сговора стал будто жёстче и резче. Рядом с ним Заре всегда хотелось сжаться, стать ещё незаметнее. И никак не верилось ей в рассказы матушки, что до рождения дочери был он лёгок и весел. Неужто дитё непосильной обузой стать может? Конечно, доля у батюшки несладкая, человек он в Трихолмке пришлый, остаётся ему только батрачить на других, но не одни Польшы так живут, и детей у других по дюжине бывает. А Зара и ест мало, и лекаря к ней звать никогда не приходилось, и платье носит, что из матушкиного перекроено.

После обеда отец опять ушёл, не сказав куда. Брюква открыла сундук и достала наряды, которые сама в девицах носила. Их она берегла как напоминание о доме родительском. Стоял он от них через две улицы, но после замужества с чужаком путь в него был матушке заказан.

– Чего их хранить-то? Только место занимают, – матушка будто саму себя уговаривала и, чтобы не передумать, разрешила юбки вдоль швов. – А тебе стодятся, чтоб не говорили Борщевики, что голодранку в дом взяли. Я и девицей в теле была, на тебя, былиночку, из одного наряда два пошьём.

Шить под оконцем с мутным стёклышком и слушать матушкины притчи из Писания Зара любила пуше всего остального. Давно уже на Огневицу Трихолмки будто кто проклятие нало-

жил, Огненные наставники в ней не задерживались, поэтому детей уму-разуму учили родители. Так у Польней и повелось, что за работой Брюква рассказывала, как прежде на земле жили люди, умные и учёные, и в мудрствовании своём отвернулись они от Создателя, чем вызвали гнев Его, и наслал Он Карающий Огонь на земли и народы. Тысячи витков горела земля, а после ещё десятки тысяч ничего, кроме огненных смерчей и вихрей, не водилось на ней. Высохли реки и моря. В пепел обратились леса и луга, равнины и горы. Скорбно взирали с небес служители Создателя на чёрно-багровую пустыню. Долго молили они Отца возродить землю. Наконец Он внял им, но наказал не сотворять вновь неблагодарное племя людей. И отправились двенадцать, названные Святозарами, чтобы вернуть былое величие разорённому дому, остудить жар, наполнить пропасти живой влагой, насадить леса и населить их зверями и птицами, а моря – рыбами.

Однако сегодня матушка вместо притч о Сотворении завела разговор о том, как молодой жене входить в чужой для неё дом мужа:

– Молодке следует быть приветливой со всеми, но не лезть с разговорами, рот открывать, только когда спрашивают. За работу, что поручают, браться охотно и самой помощь предлагать. Быть расторопной, но не суетливой...

Шили, пока не погас дневной свет. К вечеру подморозило, стекло затянули ледяные узоры. Зара любовалась на инистые завитки, белеющие на фоне тёмно-голубого неба. Такой глубокий цвет бывает лишь несколько коротких минут на закате. Ей всегда хотелось вместо обычных снопов и курочек расшить одежду этим снежным ажуром. Она даже пробовала повторить разводы на нижней рубаше, но грубые льняные нити не смогли передать изящества природных линий. Как-то Зара зарисовала узор угольком на дощечке. Получилось пугающе, будто то были не нежные хрупкие веточки, а вороньи перья. А потом дощечку нашёл отец, закипел яростью и высек дочь, чтобы у той и мысли не возникало колдовство творить.

К ночи завьюжило. Сквозняки выстудили дом. Матушка поплотнее закуталась в шаль, достала из печки нагретый камень и сунула между перин, чтобы согреть их с Зарой постель.

– Борщевики, поди, над дровами не трясутся, всю ночь топят. Будешь в тепле у них. – Брюква кряхтя забралась под одеяло.

Зарница сняла верхние кофты и поскорее юркнула под жаркий бок матери:

– С кем же мне там спать придётся?

– Как с кем? С мужем. Ох, какая же ты у меня ещё неразумная! – Сама Брюква и не помнила, когда в последний раз делила постель с Зазимком.

После встречи с будущим свёкром отец поведал матушке и Заре о планах на свадьбу:

– Опаление устроим в Междуреченке на солнцеворот, как принято. В нашу Огневицу обещались наставника прислать к тому времени, но Буран не хочет на авось полагаться. Завтра в город, в торговые ряды поедете, наряды к свадьбе выбирать, чтоб невеста Борщевиков не посрамила.

В город отправились глубокой ночью. Хоть и был он самым близким к Трихолмке, а чтобы поспеть к торговым часам, выезжали чуть не с вечера. Зара с матушкой пробирались в кромешной темноте. Морозило уже давно, но снег, как выпал первый днём десять назад, так и не обновлялся. Теперь же он смешался со стылой грязью и посерел. На ощупь по соседским заборам добрались до деревенской площади, где остановились ждать Борщевиков. Те не особенно спешили к назначенному часу. Зара уже пританцовывала от холода, когда из мглы донеслось бряцанье бубенцов, а после показалось пятно тусклого света от фонаря.

Хрустя колёсами по мёрзлой земле, подкатила крытая телега. Сидевший рядом с возницей старший сын Бурана, Паводок, обошёл с фонарём повозку:

– Забирайтесь!

Грохнул откинутый задний борт. Матушка помогла взобраться Заре и хотела залезть сама, как Буран осадил её:

– Ступай домой, Брюква, нечего тебе по ухабам трястись. Дело у нас семейное, сами разберёмся.

Занавесь опустилась, разделила мать и дочь. Зара устроилась на охапке холодной соломы в уголке. Из тёмного нутра кто-то позвал:

– Иди ко мне, сестрица, здесь места хватит, муж до города впереди поедет.

Голос показался знакомым. Это же Радуга, жена Паводка! Зара поползла на звук. Солому под невесткой выстилали овечьи шкуры и ими же она укрывалась.

– Устраивайся рядом со мной, тут тепло. – Радуга накинула на Зару меховое одеяло. – Поспи, ехать долго.

Едва тронулись, как разнеслись переливы храпа Бурана. Ему подсвистывала супруга Стужа. А вскоре и Радуга задышала ровно и спокойно. Хорошо хоть Пламеня с ними не было. Теперь эти заносчивые люди станут её семьёй, а матушке даже рядом постоять не позволят. Зара теснее прижалась к Радуге, единственной, кто проявил участие к ней.

Горькие мысли не помешали уснуть в дороге. Зару разбудили шум и гомон. Повозку больше не трясло, а чета Борщевиков выбиралась наружу. Радуга приводила в порядок свои юбки и расправляла короткую оборку чепца. Замужним и родившим женщинам дозволялось скрывать под завесой только лоб.

– Выходи вперёд меня и поклонись матушке, – шепнула невестка. – Если что колкое скажет, не отвечай.

Зара послушалась. Под воланом ей было видать только ботинки свекрови, к ним она и склонилась. Вместо приветствия Стужа прошипела:

– Ну и шепка. Получше не нашлось девицы?

– Слава Свету, что такую отдают. Нам выбирать не приходится, не то дождёмся, когда сынок гадюку в дом приведёт.

На том знакомство и закончилось. Семейство направилось в торговые ряды выбирать материи. Зара шла рядом с Радугой и ждала подходящей минутки, чтобы оглядеться. В городе она бывала один раз, давно, когда отец выручил за работу чуть не воз пшеницы, повёз её продавать и взял их с матушкой в помощь. Тогда город и городом-то не был – так, рынок на перепутье дорог, соединяющих окрестные деревни. Теперь по приказу власта Грома здесь возвели Огневицу, посадили дознавателя от Цитадели, развернули строительство, открывали цеха, а название так и осталось – Перепутье.

Радуга взяла Зару под локоть:

– Пришли. Тут развал с шерстью на юбку.

Свадебные юбку и безрукавку шили обычно из красного льна, только такой зажиточный род, как Борщевики, мог позволить себе нарядить невесту в шерсть. Стужа перешупала и просмотрела на просвет весь товар, пока не определилась с выбором. После долго торговалась. Наконец сошлись в цене с купцом, забрали отрез и двинулись в ряды с сукном для душегреи. Зара шла, куда вели. Видеть она могла только тюки, что лежали у самой земли, да всё одно её мнения никто не спрашивал. Волан колыхнулся, открыв на миг лоскут тёмно-голубого цвета, точно небо сразу после заката в оконце. Зара невольно остановилась и тронула материю.

– На что уставилась? – Стужа заметила нечаянный жест и развернула Зару к коричневым тюкам. – Вон из тех выбирай!

– Оставь! – цыкнул на жену Буран. – Пусть хоть хвост петушиный нацепит, если этим Пламеня от ведьмы отвернёт.

– Где ж видано, чтоб в синей душегрее расхаживали? Чем же вышить такую?

– А пусть сама и придумает. – Свёкор повёл Зару к рядам с пряжей. Задрал волан чепца, благодушно позволил: – Выбирай!

На солнце блестели переливчатые мотки белого шёлка с искристым морозным оттенком. Зара ахнула от восторга.

– Эх, девка, куда губу раскатала. До шелков мы положением не вышли. Туда смотри!

Пришлось выбрать тончайшую шерстяную пряжу, но Зара и этому была счастлива. В кончиках пальцев закололо: так не терпелось взяться за работу.

После купили несколько локтей лёгкого ситца для нижних рубах и чепцов, льняное кружево на оборки – замужним дозволялось сменить плотный волан на прозрачную завесу, бусы из бирюзы и такие же серьги. Торговец вдел их в уши прямо у развала, проколов мочки раскалённой над свечой сапожной иглой.

В Трихолмку вернулись уже затемно.

Глава 2. Невеста

Проводив отца на работы, Зара взялась помогать матушке по хозяйству, но Брюква остановила дочь:

– Иди в дом. Скотиной сама займись, а ты за шитьё садись, пока света хватает. Я тебе с такими руками плохой помощник. – Матушка подняла грубую красную ладонь с короткими толстыми пальцами.

Брюква забрала у дочери лопату и принялась чистить козий загон. Зара топталась на месте, не решаясь уйти. Совестно было сидеть в тепле и шить, когда матушка тяжело и неловко прибиралась в холодном хлеву. Видать, за эту неуклюжесть и красные щёки прилипло к ней прозвище Брюква. Никто уже и не помнил, что при рождении нарекли её Рябинкой. Зара порадовалась, что облик она унаследовала от отца и ничем, кроме карих глаз, не походила на любимую, но нескладную матушку. И тут же устыдилась своих мыслей. Ведь гордиться нечем, все добродетели в нас Создатель вложил, заслуг человеческих в том нет, а уж красота и вовсе не в нашей власти. Да и много ли той красоты Зарнице досталось? Только редкие в Трихолмке русые волосы, скрытые чепцом, и светлая кожа. Вот Радуга и правда была хороша.

Как по заказу, морозный узор на окнах вышел сегодня самым изумительным из виденных прежде. Зара только успела повторить рисунок кусочком известняка на дощечке, как на стекле проступили капельки, и инистый ажур стёк. Значит, потеплело.

Заре прежде думалось, что будь ей позволено вышивать от рассвета и до заката, это было бы самым большим счастьем. Однако вместо радости в груди теснилась тяжесть, ведь наслаждаться рукоделием приходилось только из-за предстоящей разлуки. Да и матушка не сидела напротив с притчами из Писания, а хлопотала то в хлеву, то во дворе. Зара дожидаться не могла, когда та вернётся в дом и займётся обедом.

Для Брюквы же важнее было подготовить дочь к замужеству, поэтому застряв в ней она повела речь о чём-то непонятном для Зары:

– Муж имеет власть как над помыслами и делами жены, так и над телом её. Поэтому не противься тому, что он будет делать с тобой. Боль длится недолго, потерпи, а через несколько дней привыкнешь.

Зару замутило. Стоило вообразить, что Пламень смотрит на неё, так только от этого дрожь охватывала, а он ещё будет творить с ней невесть что, от чего больно.

– Матушка, я поняла, что хорошая жена молчит и терпит. Прошу тебя, давай посидим немного, как раньше. Нам ведь недолго вместе осталось. Расскажи лучше о Сотворении.

Брюква поставила горшки в печь, обтёрла руки и села напротив дочери.

– Лучше ты мне расскажи. Тебе ведь скоро своих деток учить придётся. А я послушаю, хорошо ли ты Писание усвоила.

Зара опустила вышивку на колени и задумалась, подбирая слова. Начала со своего любимого места о Сотворении:

– На белых облаках Святозары спустились на землю. От взмахов их рук унимались пожары, а под стопами их прорастала зелёная трава. Долго трудились они. Сперва нагнали тучи, чтобы пролить дождь и наполнить водой моря и реки. На напоённых землях зазеленели луга, взошли леса. Прилетели птицы и свили гнёзда в ветвях молодых деревьев. И звери пришли. И рыбы плескались в реках. Только тихо было на земле. Тогда певец Заккари, самый могучий из Святозаров, дал журчание ручьям, голоса птицам и зверям и привёл ветер, который шелестел листвою. Матушка, а гром тоже Заккари сотворил?

– И гром. Чтобы трепетала в страхе всякая тварь пред силой Святозаров. Дальше сказывай и о деле не забывай! – Брюква ткнула пальцем в забытую Зарой вышивку.

– Вириная была самой прекрасной и несла она красоту всему. Она сотворила и нежные лепестки цветов, и радуго. Расцветила небо дивными переливами во время закатов и рассветов. И птицам дала яркое оперение. И даже для суровых зим придумала красоту, создав узор каждой снежинки...

– Зарница! Зима дана не для любования, а для того, чтобы люди узрели свою ничтожность и молили Святозаров о милости. Лето для трудов, а зима для страха и молитв.

– Матушка, но ведь людей ещё не было.

– Всё одно зимы для укрепления веры созданы. Сказывай тогда, как люди появились.

– Устав от трудов, Святозары отдыхали подле озёр, в тени деревьев, и радовались преображённой земле. Душа Заккари так ликовала, что он запел. Заслышав его дивный голос, соловьи стыдливо смолкли. Но вдруг в песне Святозара зазвучала тоска. Он грустил, что некому показать созданное. Опечалились и остальные Святозары. И снова приступили они с просьбами к Создателю, чтобы позволил Он населить планету людьми. Отец слышать ничего не хотел об этом, но Святозары не унимались, заверяли, что станут наставниками роду человеческому и не оставят его. Наконец сжалился Создатель над ними и позволил вложить в людей искорки Божьего Пламени, но сказал, что до тех пор будет глух к молитвам порочного племени, пока не искупят они грехи предков своих.

– А чем предки так разгневали Создателя?

– Они почитали науки и колдовство пуще веры и так гордились своими деяниями, что возомнили себя равными с Создателем, а то и выше его.

– Истинно так, Свет свидетель! Потому человеку следует чураться лишней науки, особенно женщине. Далее сказывай.

– Святозары приняли обличия мужчин и женщин, разделились на шесть пар, и в каждой паре народилось по семь детей человеческих. Вириная сложила пару с другом своим Заккари. И жили все поначалу в благодати. Святозары наставляли людей. Ферул учил их мудрости отличать чистое от скверного. Савий – ремёслам, а Артовий наставлял в храбрости противостоять скверне и всяким, от веры отвернувшимся. Заккари же нёс людям Слово, сила которого могла защитить от скверны.

– Верно говоришь. А Святозарки чему учили?

– Триния, подруга Ферула, тоже наставляла в мудрости. Сония оберегала младенцев. Левия утешала в тяготах и давала терпение. А Вириная несла красоту, чтобы не одними трудами жил человек, а мог радоваться дивному и этим облегчать свои страдания.

– Не было тогда у людей никаких страданий, они со Святозарами жили, откуда же печали взяться! Ни болезней, ни голода не знали. И не возноси падшую, через красоту она души и погубила. Сказывай про падение.

То была самая горькая глава из Писания. Зара опустила голову и заговорила чуть слышно:

– Много витков жили все в мире и благодати. Но множился род человеческий, а для пропитания приходилось вспахивать зелёные луга и убивать зверей, и деревья рубить, чтоб жильё построить. С печалью взирала Вириная на разорение, жалела она красоту и стала запечатывать всё чудесное в камни, а камни прятать в глубокой пещере, что скрывалась в горах Дивнодоля. Но люди тосковали по прекрасному и однажды нарушили запрет и украли камни. В ярость пришли Святозары и убили воров.

– Кто особо ярости предался? Сказывай точно!

– Вириная. Сменила она свой кроткий облик на чудовищное воплощение, мощью своей отделила она Дивнодолье морем от других земель, а после носилась по небу ужасной тенью, сминая поселения, равнины в горы превращая, а горы – в пыль. Матушка, но ведь люди на добро её посягнули. Если кто в чужой дом заберётся, так хозяин может убить лиходея, и никто не осудит за это.

– На Виринеино добро люди позарились, потому как она искушала их своими дивами и чарами. А более виновен тот, кто чистые души губит и в скверне их замарывает. Люди грешны, но Виринея грешнее. А остальные Святозары что?

– Глядя на гнев её, одумались семеро из двенадцати Святозаров, усмирили прочих, кроме Виринеи. С ней только Заккари хитростью справился. И тогда решили Святозары удалиться от людей, лишь с облаков взирать на них, а падших своих братьев и сестёр приговорили жить в человеческом облиции, пока не постигнут все тяготы смертной жизни. Виринею же сбросили на тысячи витков в небытие. Очень опечалился Заккари участью подруги. Он покинул Святозаров, чтобы готовиться к возвращению Виринеи, когда она выйдет из заточения и родится в образе человеческого ребёнка. Матушка, а когда она вернётся?

– О том никому неизвестно. Но ждать каждый миг надо и готовой быть, не поддаваться скверне, чтобы не погубила падшая твою душу.

Зара задумалась, беззвучно зашевелила губами, загибая пальцы. Вдруг спросила:

– Матушка, Святозаров же двенадцать было, а известно только о деяниях восьми. Что же остальные? Как звали их?

– Даже думать о них не смей! Для того и скрыты их имена, чтобы не призывали их люди к себе. Падшие ведь в человеческом облике по сей день среди нас живут и губят души. А уж чему они учили... Ох, Свет-защитой-будь! Заговорили о скверном, вот и принесло окаянную!

Брюква уставилась в оконце. Зара проследила за взглядом матери и похолодела: против окна стояла Горлинка. Гордо вскинув голову, ведьма презрительно глядела на невесту своего любовника.

– Чего она вылупилась? Что я ей сделала? Будто сама свою долю выбрала!

Ведьма тряхнула чёрными косами, словно услышала слова соперницы, но от дома не отошла.

«Вот же бесстыжая! Хорошо быть гордой и красивой, когда не нужно под чепцом склоняться. Ей-то законы не писаны».

Горлинка до самого обеда стояла под окном. Брюква порывалась отогнать её кнутом, да Зара вцепилась в руку матери:

– Не надо, матушка, ведь наведёт напасть какую, оставь!

Слава Свету, Зазимок вернулся к обеду. Завидев ведьму, забранился, а та рассмеялась ему в лицо и ушла прочь. В дом отец вошёл ещё свирепый:

– Гадина! Огненных дознавателей напустить бы на дрянь.

Пока Зазимок умывался, Зара шепнула матушке:

– А правда, почему Буран дознавателям о ведьме не скажет? Они бы забрали Горлинку, освободили Пламеня от её чар, и мне бы не пришлось замуж выходить.

– Забудь! Ближайший дознаватель в Перепутье, и дело его – в Цитадель сообщать о порче и ждать, пока они людей пришлют для разбора. А те, как приедут, одной Горлинкой довольствоваться не станут, найдут повод, чтоб ещё с дюжину в ведьмовстве обвинить.

Заре же подумалось, что дело тут не только в разборе. Горлинка робостью не отличалась, такая выпутается, ещё и дознавателям головы задурит, а после наслёт лихо на тех, кто это затеял.

«Если такая смелая, так и уводила бы к себе любовника».

Отец после обеда сказал, что наутро они с Бураном отправятся в Огневицу Междуреченьки, чтобы назначить дату опаления:

– И об очищении условимся. Брюква, подготовь её как следует. Чтоб не опозорила нас, как было однажды.

Зара ещё ниже склонила голову. На её плечах и спине после того случая остались рубцы от отцовской порки. А всё из-за лжепророка. Вернее, его последователей, что однажды забрели в Трихолмку с учением. Зара слишком мала была, чтобы понять, о чём они говорили, помнила только, как поразил её рассказ странников о страшной казни еретика. Несущий Истину, как он себя называл, проповедовал в Приморье, после бежал в Загрядье, там его и схватили дознаватели и подвергли исправлению от заблуждений. Для этого бедняге отрубали по куску то от рук, то от ног, а раны прижигали Священным Огнём. Только он не отрёкся от своих убеждений, даже когда то, что от него осталось, горело в жерле очищения.

Когда же последователей изгнали из деревни, наставник, недолго служивший в их Огневице, собрал всех детей, слышавших лжеучение, и втолковал им, чем подлинный пророк Святоглас отличается от самозванца Несущего Истину. Одним из доказательств святости Святогласа служило то, что он принял смерть в муках, на что Зара по своему детскому неразумению возразила, что лжепророк тоже страдал. Наставник разгневался и велел привести в Огневицу родителя маленькой еретички. Зазимок так разозлился, что чуть не убил дочь. Да и матушке тоже досталось тогда.

Как только Зазимок ушёл, Брюква оставила уборку стола и усадила дочь для разговора:

– Совсем я, глупая, об очищении тебе сказать забыла. Как ни учи Писание, Сёстры такие вопросы зададут, что вовеки правильного ответа не сыщешь. Ты и не думай сильно, если чего не знаешь, так и говори, мол, девка я тёмная, бабий ум мой мудрости не понимает, коли в жизни такое решать случится, так отца с мужем спрошу и Святозарам молиться буду. Сёстры такую безропотность любят. А после проверят тебя на метки нечистые, да тут тебе не о чем тревожиться. Самое страшное – испытание в Огненном Круге. Ты после досмотра только рубаху на себя не надевай, иначе займётся. Так нагая и становись.

К дню, в который был назначен обряд Очищения, установился санный путь. Полыни выехали в Междуреченку задолго до света, а всё равно на полпути их обогнали бурановские сани. Впряжённая в них пара молодых жеребчиков легко обошла старую клячу Зазимка. Зара осторожно приподняла волан, чтобы посмотреть, не едет ли с ними Радуга, но к Огневице Борщевики отправились без невестки. Сидевший позади возницы Пламень даже из любопытства не взглянул на будущую жену.

Когда подъехали к храму, сани сватов уже остывали пустые. Только Стужа нетерпеливо топтала снег в ожидании. Из левой половины вышли Огненные Сёстры и велели женщинам следовать за ними. Зазимок отправился в правую дверь, к мужчинам.

Зара последовала за Сёстрами, вернее, за видимыми ей подолами их чёрно-красных одеяний. В зале досмотра невесте указали место перед Стеной поклонения и разрешили снять чепец. Жрицы построились у ниши Сони, покровительницы материнства и защитницы женской чистоты. Каждая держала в руках Огненное Писание, что несказанно удивило Зару, ведь познание в грамоте считалось пороком для женщины. Сёстры же откинули с лиц длинные покрывала и принялись читать молитву Сони, бойко складывая написанные символы в слова. Даже у отца не получалось так скоро и плавно.

Затем приступили к испытанию. Зару спрашивали о добрых и злых деяниях Святозаров, порой пытаясь сбить с толку и выдать пагубное за благое. Следуя наставлению матушки, при каверзных вопросах она ссылалась на свою темноту, чем вызывала снисходительные улыбки и одобрительные кивки Сестёр.

После приступили ко второй ступени. Заре велели раздеться донага. Жрицы тщательно осмотрели каждый участок тела, чтобы убедиться в отсутствии знаков скверны, таких как сросшиеся пальцы, вывернутые раковины ушей, хвост, лишние зубы и родимые пятна зловещей формы. Не найдя изъянов, повернули Зарницу к сложенному по кругу хворосту. Брюква подскочила к дочери и заплела её волосы в тугую косу, шепнув при этом:

– Помни, не надевай рубаху.

Зарница встала в круг. Одна из Сестёр поднесла светильник к сучьям, пропитанным маслом. Огонь резво побежал по веткам, загудел, вырос стеной. Дыхание перехватило от едкого дыма. Зара закашлялась, хватая ртом раскалённый воздух, закрыла глаза от жара ладонями. Вокруг всё потемнело и закружилось... Очнулась она на коленях у матушки. Сёстры брызгали в лицо водой и били по щекам.

– Чиста, чиста! – ликовала Брюква. – Ни отметочки огонь не оставил!

– Было бы на чём оставлять! Кости не горят, не тлеют, – Стужу непорочность невесты вовсе не радовала.

Матушка помогла Заре одеться и, не опустив волан, повела на воздух. Её ещё мутило, но во дворе Огневицы она уже без поддержки Брюквы пошла к саням. Следовавшая позади Стужа вскрикнула и заторопилась к мужской половине. Зазимок с Бураном волокли под руки Пламеня. Парень с трудом переставлял ноги, на лбу и щеках его вздувались волдыри.

– Закройся, – Брюква поправила на дочери чепец.

«Видать, за связь с ведьмой его Огонь наказал. А если бы Горлинка зашла в круг, так и вовсе сгорела бы. Вот почему знахарок замуж не берут», – Зара легла в санях. А какой исход был бы лучшим для неё самой? Замужество или смерть?

Дни летели стремительно. Вот только целая луна оставалась до опаления, как уже истаяла её половина. У Зары ломило шею и плечи от постоянного шитья, а свадебный наряд всё ещё не был готов. Даже Зазимок смягчился и довольствовался малым, чтоб не отвлекать Брюкву от помощи дочери. Зара втайне надеялась, что, не успей она с вышивками на ритуальных юбке и безрукавке, семья Борщевиков откажется от нерасторопной невесты. Однако матушка избавила её от пустых чаяний:

– Если Бурану чего в голову взбрело, он это исполнит, даже если тебя голой на опаление тащить придётся.

Однажды Зазимок всполошил семью среди ночи:

– Поднимайтесь! Снегом крышу хлева продавило. Выходите чистить, пока не рухнуло на скотину.

Зара оделась и повязала платок вместо чепца. Кто её увидит во дворе в такое время? Отец подставил лестницу, помог дочери взобраться и передал ей лопату. Сам же отправился устанавливать подпорки внутри.

Снег оказался влажным и тяжёлым. Уже через несколько минут работы руки дрожали и ломило спину. Зара остановилась перевести дух и утереть пот. И ахнула от открывшегося перед ней великолепия. До рассвета было ещё долго, но ночь казалась светлой из-за укрывавшей всё снежной пелерины. Даже пугающая тёмная стена леса сейчас белела величественно и торжественно. Под вековыми елями притулился дом Горлинки. В окне желтел огонёк лампы. Значит, ведьма тоже не спала. И тут Зара увидела её – та расчищала тропку на лугу – и залюбовалась сильными и гибкими движениями Горлинки. Она без усталости зачерпывала полные лопаты снега и скидывала его в стороны так легко, словно он был пухом.

Из дома вышел мужчина, пробрался к ведьме по сугробам, взял у неё лопату и сам занялся тропинкой.

«Да это же Пламень! Вот бесстыжие, ничуть не скрываются. Вот и перебирался бы к ней совсем жить, раз ничего не боится, и меня бы в покое оставили, – Зара вернулась к работе, но мысль, как избавиться от противного ей жениха, так и крутилась в голове. – Поговорю с матушкой, когда отец уйдёт на работы. Она ведь замуж против воли родителей вышла».

Однако Брюква ничем не смогла обнадёжить дочь:

– Всё не так было. Отец твой меня из жалости взял, потому как засиделась я в девках, а жених младшей сестры терпение терял. Батюшка решил уже спровадить меня в прислужницы к Огненным Сёстрам, а мне такая доля хуже смерти казалась. Вот тогда, завидев, как я убиваюсь, Зазимок меня в жёны и позвал. Да моему отцу не по душе эта затея оказалась, чтоб дочь с батраком судьбу связала, всё умысел какой-то виделся ему, потому и отпустил меня налегке и двери дома пред нами закрыл, чтоб на достаток не зарились. А что до Горлинки, так эта девка и сама бы свадьбу расстроила, будь ей Пламень нужен. Да, видать, держит она его для забавы. Как наиграется, так и выкинет постылого.

Пожалуй, права матушка. Зара помнила, как Горлинка появилась в Трихолмке и заняла лачугу у леса, что вместо дома тогда стояла. Недолго прожила там чужачка, вскоре отправилась дальше своею дорогой, как люди думали. Однако через несколько дней ведьма вернулась с работниками и бумагой от подкрёза на покупку участка леса. И устроилось спорое строительство. Лачугу снесли, навалили брёвен и возвели новый дом. Горлинка работала наравне с мужчинами, даже платок на мастеровой манер вокруг головы повязывала, только чтоб пот глаза не заливал. И штаны мужицкие надевала. Уж за одно это её сжечь полагалось. Наставник с Сёстрами к ней и вправду наведывались, но что ж она им сказала, то никто не знает, только оставили её с тех пор в покое.

Как Зара ни молила заступницу Сонию, та не сделала ничего, что могло бы расстроить свадьбу. Наступил день солнцеворота. В Трихолмке, как было заведено, устроили праздник с подношением даров Святозарам, молитвами об урожайном лете, а после – смотрины женихов и невест. Девушке полагалось при всём народе подарить суженому цыплёнка, чем она подтверждала, что берёт его в мужья и вскоре порадует потомством. А парень дарил невесте испечённый матерью хлеб как заверение, что девицу берут в дом.

Вместе с Зарой к опалению готовилось ещё несколько девиц. Только одна из всех радовалась предстоящему, улыбалась и нежно целовала цыплёнка. Остальные же были тихи и растерянны, а Капель, прежде весёлая затейница, и вовсе горько плакала.

– Почему она так убивается? – шепнула Зара подружке Капели, которая тоже ходила в невестах.

– Не с тем опалить решили. Она сына кузнеца любит, но его отец посчитал, что, пока Наст ремесла не освоит, жениться ему рано. Капель согласна была ждать, но родители побоялись, что она не убережётся и опозорит их, вот и нашли ей другого жениха.

– А сын кузнеца что же?

– Он против воли отца не пойдёт. Капель даже бежать его подговаривала, но Наст отказался.

– Значит, он не любит её?

– Любит. Потому и не хочет погубить. Куда они пойдут и чем жить будут? Даже от лиходеев защитить её не сможет.

Зара задумалась, не поэтому ли и Пламень не бежит с Горлинкой? Только ведь им и бежать никуда не нужно: ведьма не бедствует, и дом с хозяйством у неё имеется. Видно, права матушка, любовник – лишь забава для знахарки. А от горестей Капели Зарнице тоже тоскливо сделалось. Она ещё никого не любила, но помнила, как последней весной разливалось в груди что-то щемящее, такое томление охватывало, будто обещало впереди нечто прекрасное, для чего только и стоило жить. А теперь судьба её с Борщевиками связана, и закрыт путь к тому несбывшемуся, к чему душа стремилась. Вроде и не имела ничего, а чувствовала, будто обокрали её.

Для смотрин невесты выстроились в ряд. Подле Зары встала счастливая девушка. К ней жених подошёл первым. Забирая цыплёнка, задержал её ладони в своих. А вот Пламень,

видимо, не мог узнать свою невесту, поскольку подошёл лишь тогда, когда Зара одна осталась с цыплёнком. Молча сунул птенца за пазуху и отдал хлеб.

После одаривания настало время гуляния. Присутствовать на нём невестам не полагалось. Впрочем, последний вечер до замужества Заре хотелось провести с матушкой, а не среди чужих людей. Она прижала к груди хлеб и быстро засеменила домой по скользким тропкам, торопясь успеть до сумерек.

Почти у самого дома дорогу заступила Горлинка. Зара видела перед собой только цветастые ведьмовские юбки и стояла, не зная, как поступить. Даже вступить за неё было некому. А знахарка откинула с лица соперницы волан и прищурила глаза, разглядывая её.

– Чего тебе от меня надо? – Зара чуть не плакала от страха.

Ведьма взяла хлеб, с хрустом отломилась ломоть, вернула перепуганной невесте дар жениха и пошла своей дорогой. Зарница кинулась домой, не разбирая пути.

Узнав о встрече с ведьмой, Брюква встревожилась. Последний вечер с покидающей дом дочерью и без того был горек, а уж с нависшей угрожающей тенью Горлинки и вовсе стал гнетущим. Зара пыталась притвориться, что горевать не о чем, не на край света же она едет. И как только заскучает, сможет навестить матушку. Однако разложенный на сундуке наряд для опаления и приготовленный узелок с пожитками будто шептали её, что пути назад не будет. Ко всему ещё и Чернушка во дворе подвывала тоскливо.

– Видать, волка в лесу учуяла, – объяснила её скулёж матушка.

«Хоть бы он сожрал эту ведьму проклятую».

Как стемнело, вернулся Зазимок. Открыв дверь, он выругался:

– Брюква, что за падаль тут?

Зара с матушкой пошли смотреть, чем так возмущён отец. На пороге лежал цыплёнок со свёрнутой шеей.

Глава 3. Жена

В мутном стекле отразилась худосочная девчонка, вырядившаяся невестой. Лицо виднелось размытым пятном, но Зара чувствовала, как распухли веки от слёз. Ничего, этого никто не заметит под кружевной накидкой, покрывающей голову, а вот матушке и спрятаться не под чем.

Вчера, увидев мёртвого птенца на пороге, Брюква не сдержалась, заголосила, моля мужа отступить от клятвы:

– Погубит нас ведьма, сживёт со свету. Неужто единственное дитя не жаль?

Зазимок оборвал её упрёки звонкой оплеухой:

– Даже если твоя девка без башки лежать будет – я прилажу к ней тыкву и повезу на опаление. Умолкни, пока новых бед не натворила.

Ох, не нужда была причина отцовской ненависти, не нужда. Неужели Зара неродная Зазимку? Однако допытываться и обижать мать сомнениями она не посмела. Всю ночь они проплакали, обнявшись. Наутро щека Брюквы вздулась синюшным бугром.

У Огневицы уже толпились многочисленные гости Борщевиков. Поляны приехали одни: Брюква свою родню позвать не могла, а у Зазимка её и вовсе не было.

Даже во дворе чувствовался запах раскалённых камней из святозарного очага и слышался гул огня. Зара поёжилась. Она видела опаление однажды, ещё малюткой, но в памяти из таинства сохранился только неясный страх.

Молодых развели на правую и левую стороны для поклонения и подношения даров Святозарам. Зара следовала за Сёстрами. Сперва – к нише Сони, затем – к Левии, что помогает укреплять дух в страданиях и учит терпению. Последней была Триния, любимая Сёстрами мудрая наставница.

Служки распахнули двери обрядового зала. Оттуда дохнуло жаром. Жениха и невесту уложили на носилки, рука к руке и стопа к стопе. Правое запястье Зары связали с левым Пламеня алой лентой. Присутствующие хором спросили всезнающего Ферула, угоден ли ему этот брак. Шестеро служек взвалили носилки на плечи и бегом пронесли над полыхающим горнилом. На одном из Братьев загорелась одежда. На него плеснули водой, и он вновь подставил плечо. Перед бегом в другую сторону обратились к Тринии. Снова служки протащили молодых над огнём. На этот раз занялся край носилок. Притушив его, задали вопрос покровителю ремёсел Савию. И так, испрашивая дозволения у каждого из Святозаров, шесть раз опалили пару. Трижды загорались одеяния Братьев, последний пробег закончили на полыхающих носилках, но брак был благословлён.

Жениха с невестой поставили на ноги. Наставник взял их связанные руки и приложил к указательному пальцу Пламеня раскалённую печать. Тот взвыл, заплясал на месте от боли. Запахло палёным. На фаланге вздулся багровым волдырём символ опаления. Служка снова сунул печать в огонь, а когда она покраснела, передал наставнику. Зара забилась, тщетно пытаясь вырвать руку. Огненный металл коснулся пальца. Кровь вскипела, растеклась по жилам и ударила в виски. Вокруг всё побелело, будто озарённое молнией. Но страшный обряд на том и закончился. Опалённым мужу и жене перевязали раны, вывели из храма и усадили в одни сани. Больше Зарница не принадлежала к роду Поляней.

В огромной трапезной дома Борщевиков под звонкие переливы свиристелок гости занимали места за столами с угощениями. С хохотом и криками усадили молодых у передней стены на возвышении. Зара совсем оробела от такого скопления народа. И столько еды ей прежде даже видеть не доводилось. Однако после всех волнений и испытаний её мутило от запахов.

Пламень тоже не притрагивался к кушаньям. Гости же с удовольствием ели, пили и хмелели, а как насытились, потянулись одаривать супругов. Подношения складывали к ногам молодых, но кланялись при этом Бурану.

Когда пир перетёк в пляски и пьяный разгул, Стужа с Радугой увели Зару в опочивальню. Пока невестка помогала молодой жене переодеться в нижнюю рубаху и чепец с кружевной оборкой, свекровь расстелила постель и кинула поверх простыни белую пелёнку:

– Смотри не ёрзай, лежи на свидетельстве.

Заре вспомнились наставления матушки, что необходимо подчиняться супругу и терпеть. Значит, опять будет больно. Зарница Борщевик забралась на перины, укрылась до подбородка и стала ждать мужа.

Гулкое многоголосье в трапезной стихло до невнятного бормотания. Умолкли свиристелки. Со двора то и дело отбывали сани с утомившимися гостями. Когда прокукарекали петухи, хмельной Пламень с грохотом распахнул дверь опочивальни. Зара вжалась в подушки. Супруг споткнулся об сундук, опрокинул табурет и одетым завалился на кровать. Тут же раздался его пьяный храп. Жены он не заметил. Зара перевела дух: кажется, ничего ужасного с ней в эту ночь не произойдёт. Успокоившись, она тоже уснула.

Наутро молодых разбудила Стужа. Увидав сына в мятом кафтане и сапогах, едко выругалась, откинула одеяло. Зара поднялась, стараясь прятать босые ноги под рубахой.

– Не ищи, – хмыкнул Пламень. – Можешь вернуть её родителям.

Свекровь сдёрнула свидетельскую пелёнку, хлестнула ею сына и выбежала вон. Вскоре со двора донеслось кудахтанье курицы, которое оборвал стук топора. Хозяйка вернулась с миской и плеснула на свидетельство свежей крови.

Пламень издал стон:

– Матушка, к чему балаган устраивать? Будто кому дело есть...

– Боишься, как бы гадина твоя не увидела? – зло выкрикнула Стужа. – Людям до всего дело есть. Пусть хоть они говорят, что ты образумился.

Заре она ничего не сказала, но, уходя, смерила таким взглядом, будто раздавить хотела.

Пелёнку с кровавым пятном вывесили напоказ всей деревне во дворе, прицепив к столбу для привязи лошадей. Оставшиеся гости и проходящие мимо соседи без смущения указывали на неё пальцами и горланили хвалу силе Пламеня. Заре же хотелось бежать от стыда.

В трапезной продолжался пир. За столами восседали одни мужчины. Женщины хлопотали в кухне. Стужа вымещала своё недовольство на работницах, браня их за нерасторопность:

– Шевелитесь, хрячки ленивые! Где окорок? Брагу ещё несите!

Зара хотела было войти и помочь, но оробела от криков свекрови и переминалась на пороге. Наконец её заметила Радуга:

– Сестрица, поди во двор, посмотри за детьми: малые они, чтоб без глазу быть.

Послав невестке благодарную улыбку, Зара оделась на ходу и вышла наружу. Трое детишек Радуги возились в снегу. В пригляде они и не нуждались. Зара осмотрела двор сквозь кружевную оборку. Хозяйство Борщевиков было огромно, всюду сновали работники. За домом угадывались хлев, курятник и конюшня. Не чета польнской сараюшке, где кляча соседствовала с козами и курами.

На крыльцо выскочила Яблонька-в-цвету, младшая сестра Пламеня, и залилась смехом, указывая на вышитую морозными узорами душегрею Зары:

– Чего это у тебя? Курьи перья?

И тут же крикнула в раскрытое окно кухни:

– Матушка, на площади карусели поставили, я туда!

– Не зашибись только! – вылетел с клубами пара голос Стужи.

Яблонька опустила волан и убежала за ворота. Зара же думала, как всё иначе в новой семье. Сестре мужа двенадцать витков минуло. Рослая, справная, с красной лентой на чепце, а понеслась забавляться, точно дитё неразумное, да ещё когда в доме работа кипит. Зару бы отец только за одно такое желание высек.

Вдруг будто кто позвал. Зара обернулась к калитке – за ней стояла Горлинка и пялилась на пелёнку. Затем сплюнула:

– Дрянная кровь. Даже пёс носом не ведёт.

И ушла посмеиваясь. Не провела ведьму хитрость Стужи, всё-то она чуяла.

К вечеру гости стали разъезжаться. Стужа отпустила работниц и разрешила невесткам и внукам перекусить в кухне. После велела Заре:

– Отправляйся в опочивальню, жди мужа.

Однако Пламень не торопился к жене. Зара сама не заметила, как уснула. Наутро постель на его половине осталась нетронутый. Заглянула свекровь, цокнула сердито:

– Была нужда полыньское отребье в семью брать. Подымайся, нечего бока отлёживать!

В доме уже все были на ногах. Со двора пришёл Паводок:

– Нет коня его в стойле.

Буран свёл брови:

– Значит, к змеючке своей подался. – И сурово зыркнул на Зару: – Мать тебя не учила ничему? От ласковой бабы муж не бежит.

Зара потупилась, не зная, что сказать. Матушка учила не противиться, да сейчас, видно, не о той науке свёкор спрашивал.

– Если б ученье неказистость заменяло, – сквозь зубы процедила Стужа.

– Молодая ещё, огладится со временем. – Бурану уже наскучило недовольство жены. Он примирительно обратился к Заре: – Тебе двенадцать витков-то есть?

– Мне четырнадцать.

– Четырнадцать?! – хохотнула Яблонька.

– Сколько лебеду ни поливай – в малину не вырастет, – не унималась свекровь.

– От твоих подковырок она тоже не расцветёт. Каков огонёк – такова и искорка. Второй Радуги для нашего худоумного не сыщется. Хватит, давайте лучше у Святозаров наставления и укрепления испросим. Дочка, кликни Радугу, да пойдём помолимся, Пламеня без толку ждать. – Буран отправился в Огневую поклонную. Следом потянулись остальные.

Зара снова поразила величием дома Борщевиков. Полыни только угол для поклонения могли отвести, а тут целую залу с нишами Святозаров устроили. Отец семейства встал против всезнающего Ферула, Паводок – против Савия. Оба приложили пальцы к вискам. Стужа, скрестив ладони на груди, просила укрепления духа у Леви. Зара тоже хотела обратиться к ней, чтобы научила терпению, но Радуга дёрнула за рукав и потянула к Сонии. Яблонька, как и полагалось девицам, искала наставлений у Тринии.

Помолившись, все собрались в семейной трапезной. Ели быстро и молча. После завтрака Радуга первой поднялась из-за стола и принесла из кухни узелки с полдниками, причём не только мужчинам, но и Стуже, и даже Яблоньке. Буран, облачаясь в тулуп, спросил жену:

– Что Зарнице поручишь? Может, к делу приучать начнёшь?

– Рано ей добро наше считать. Пусть покажет себя сперва. – Свекровь достала из ящика стола три толстые книги.

– Матушка, пусть дома в подмогу Радуге останется, а то всё хозяйство и дети на ней одной, – вступился Паводок.

– Как я одна без работниц с хозяйством и детьми управлялась? Ладно, пусть остаётся, всё под присмотром будет. – Пересчитав книги, Стужа крикнула дочери: – Яблонька, поспеши, у нас дел невпроворот, такой простой из-за этих празднеств учинили.

Во дворе ждала пара запряжённых саней. Буря с Паводком и Стужа с Яблонькой расселись и укатили в разные стороны. Радуга проследила, как конюх запер ворота и обернулась к Заре:

– Отец с мужем на мельницы поехали, а матушка с сестрой – на сыроварню. Яблонька к делу приучается.

– Они что же, читать умеют?

– Что ты! Матушка в книгах учёт добра ведёт. Да, ты к Левии при ней не вставай, иначе обидится. Считает, что нам страдать при ней не о чем, только неблагодарность свою показываем. А если помолиться хочешь, иди, когда нет никого.

Зара кивнула:

– Позже схожу, как с работой управимся.

– Ночью, значит, – рассмеялась Радуга. – Матушка работниц до кухни и комнат не допускает – боится, как бы не утянули чего. Потому обед с уборкой на нас с тобой.

«Так хоть за скотиной не ходить и двор не чистить, всё легче», – подумалось Заре.

Она догадывалась, что Борщевики не станут довольствоваться одной похлёбкой, но и представить не могла, что на стол придётся подавать ещё и жаркое, и мясной пирог, и тушёную капусту с кровяной колбасой, и пшеничную кашу со свиными шкварками. До полудня они с Радугой жарили, парили и томили кушанья, между делом поглядывали, тщательно ли работницы скоблят залитые вином столы и пол в большой трапезной. После отправились во двор выбивать постели.

Зара хлестала по пышной перине свитыми в круг ивовыми прутьями. Под мерные шлепки вдруг вспомнились все упрёки свекрови. «Чего она взъелась на меня? Будто я к ним напрашивалась! Вернули бы родителям, раз не угодила. Я бы только рада была. И ни добра вашего не надо. Ни сына вашего. Ни дома! Ни скота! Ни перин этих!»

– Полегчало? – окрикнула сзади Радуга: – Остынь, сестрица. Отвела душу – и будет. Оттого что перину вспорешь, матушка ласковее не делается.

Зара и не заметила, как стала вкладывать всю свою обиду в удары. Ох, а Радуга-то поняла, отчего перине досталось. Не годится в новом доме своё недовольство показывать! Однако и вправду злость будто улеглась от усталости.

Глава 4. Борщевики

Как стемнело, вернулись Стужа с Яблонькой, а вскоре подъехали мужчины. Пламень был с ними. Сели обедать. Пламень ел жадно, не разбирая вкуса. Буран заметил язвительно:

– Жрать-то домой приходишь. Ведьме для тебя хлеба жалко?

Пламень отодвинул миску:

– Отец, не надо. Ты ничего не знаешь.

– Так поделись! Жену научи тому, чем гадина берёт.

– Хватит вам за столом о грешном, – осекла их Стужа.

Закончили трапезу в молчании. После невестки убрали посуду, а Стужа разложила на опустевшем столе свои книги. Хозяин принялся разбираться в нарисованных там закорючках, чёрточках, галочках и крестиках:

– Четыре с половиной дюжины голов выдержанного сыра, шестнадцать – молодого... Неплохо! Пора обоз снаряжать в столицу, чтоб до равноденственного поста продать успеть.

У Радуги заблестели глаза:

– Батюшка, вы к отцу по подводам сговариваться поедете? Можно мне и детям с вами? Теперь ведь есть на кого хозяйство оставить.

Стужа нахмурилась, но сдержалась. Буран почесал бороду:

– Отчего же нельзя? Повидайся с семьёй.

Зара сжалась, представив, как останется в доме со Стужей и Яблонькой.

– Вчера Чабрец из Перепутья вернулся, – заговорил Паводок. – Сборщики податей пожаловали. Скоро до нас доберутся. Народ шепчется, что на воинство повысили опять.

– Глотки ненасытные! – Буран побагровел. – С какого ляду на воинство поднимают, если войны нет? Власт Гром восьмой виток только петушится с братом.

– Ох, не накликай! – схватилась за грудь Стужа. – Пусть и дальше петушатся, лишь бы в драку не лезли, тогда податю не откупишься – заберут сынков, а поборы несусветными сделают.

– Да одному из сынков в войске самое место. Может, там бы его от дури отвадили. Пламень, пойдёшь власту служить?

– Пошёл бы, если б и вправду война была. А так, что там муштра пустая, что здесь... Батюшка, ты бы на те подати меня корабельному делу учить отправил. Обещал же, если женюсь.

– Тише, не пылай. Я сказал, что подумаю. Опалиться – не жениться ещё. Вот когда дитё родите, тогда ваш брак и будет настоящим.

– А как родим, так и вовсе никуда не уеду. Кто ж дитё малое бросает? Гнить мне свой век в Трихолмке.

Пламень уронил голову, громко ударив лбом о стол.

– А в морях – жить? Сгинешь – и огню придать ничего не останется.

– Уж лучше в море, чем в навозе! – Пламень резко выпрямился. – Не могу я здесь! Сам бы ушёл, да ведь не примут без метки наставника, а он её без родительского благословения не поставит.

– Я, значит, могу, отец мой с дедом могли, брат твой может, а тебе навоз не по нраву! Или думаешь, тухлая рыба фиалками пахнет? Издалека всё хорошо, а как ближе присмотришься – везде навоз.

– Отец, я же не рыбачить хочу, а новые земли искать. Ты знал, что на юге посреди моря высится стена неприступных гор, изрыгающих огонь? Ещё ни один мореход не нашёл прохода меж ними. Только живущие за скалами синие люди на своих крылатых змеях с птичьими головами могут перелететь их...

– Это ведьма тебя сказками из поганого писания дурманит?!

– Это не сказки! Мудрецы в Цитадели снаряжают корабли, чтобы проход найти. Только нам, навозникам, о том не открывают, чтоб не помышляли о чём-то большем, чем спину гнуть и подати платить...

Кулак Бурана сотряс доски стола так, что с него слетели счётовые книги.

– В моём. Доме. Чтобы. Речей. Таких. Не велось! Ещё раз услышу – сдам в войско. Всё, идём молиться и спать.

В Поклонной Пламень встал к нише Артовия, укрепляющего в храбрости, и, когда вся семья разошлась отдыхать, ещё долго молился.

Зара и страшилась, и ждала появления мужа. Страшилась его горячности и в то же время хотела расспросить о синих людях на змеях, о море. Какой, оказывается, мир большой. Она знала, что властво их называют Кольцегорьем, да сами горы только раз видела, когда отец возил их с матушкой в Перепутье. Он указал на синюю дымку по горизонту, пояснил, что это горы, а за ними – столица, Приморье. Ещё сказал, что на юге Кольцегорье граничит с Южными Хребтами, влаством злобного брата Грома. На севере – Северные Равнины, где родился Зазимок. Где-то на побережье – страшная Виринеева гряда. А на западе, за морем – Дивнодолье, посреди которого выше облаков поднималась Верховная Цитадель.

Ещё Заре вспомнилось, как однажды они с матушкой заблудились, когда по грибы ходили. Вокруг чужой лес, и холм над ним высился незнакомым склоном. По нему взобрались на вершину, чтобы осмотреться. Брюква, завидев Трихолмку в рыжей пыли среди выжженных полей, обрадовалась, а Зара оглянулась по сторонам и задохнулась от восхищения: кругом раскинулись зелёные леса, речка Серебрянка величаво сверкала под солнцем. У деревенского берега же она была мутной и в коровьих лепёшках. Забывшись, Зара выдохнула: «Как красиво там, где нет людей! Вот отчего Виринея на них разозлилась». Впервые тогда материнская ладонь отхлестала Зарницу по губам. После Брюква плакала и заклинала никогда не говорить подобного.

Пламень, явившись после молитвы, не лёг с женой. Бросив тулуп на сундук, он устроился там.

Зара поднялась затемно, опередив появление свекрови с надзором, и отправилась в кухню помогать Радуге с завтраком. Утро было похоже на вчерашнее, с той лишь разницей, что Пламень молился и ел со всеми. Когда поднимались из-за стола, с улицы донеслись гвалт и улюлюканье. Семейство Борщевиков вышло к воротам посмотреть, что случилось.

В сторону их двора брела галдящая толпа с палками, похожая в рассветных сумерках на оцетинившегося тёмного зверя. Впереди бледным призраком металась простоволосая нагая девица. Зара едва узнала в ней Капель, чьё опаление праздновали накануне.

Яблонька, завидев травлю, захлопала в ладоши:

– Смотри, Зарница, скоро и тебя так погонят. – Она слепила снежный ком, дождалась, когда опозоренная жертва подойдёт поближе, и запустила его, метя в лицо.

С противоположного конца улицы раздалось конское ржание и хлёткие щелчки кнута. Зара обернулась. Навстречу толпе нёсся впряжённый в сани конь. Правила ими Горлинка, стоя во весь рост. Толпа бросилась врассыпную. На дороге осталась одна Капель. Она не пыталась спастись, лишь устало осела на землю. Жеребец снова заржал, вздыбился и опустил копыта рядом с распластанным перед ним телом. Ведьма подскочила к блуднице, укрыла её рогожей и потащила в сани.

Пламень кинулся было за ворота, но рука отца удержала его за ворот:

– Куда?! Ещё при народе нас не позорил. Быстро все в дом, нечего глазеть!

Переступив порог, Яблонька спросила разочарованно:

– Братец, зачем твоя гадина блудницу спасла?

У Пламеня глаза от ярости побелели. Зара испугалась, что он набросится на сестру, но Борщевик закрыл собой дочь:

– Слушайте все! Ведьма не спасла блудницу, а погубила её. Люди Капели блага желали, чтобы осознала она свой позор и стремилась к очищению через покаяние и страдания. А Горлинка её от них избавила. И что будет дальше? Обучит колдовству или в дом похоти продаст? Конец Капель один ждёт – Бездна огненная, где она вечность будет с Виринеей гореть. А теперь собирайтесь, работу за нас никто не сделает. И так с этим балаганом пол-утра потеряли.

Только за семейством закрылась дверь, Зара, не в силах больше притворяться безучастной, опустилась на лавку и тихо всхлипнула. Значит, вот как домой возвращают. А она, глупая, просила об этом Левию. Радуга погладила трясущееся плечико:

– Ну, будет. Всех не оплачешь.

– Почему ей одной досталось? Сын кузнеца тоже блудник, но его не гнали палками.

– Он мужчина. В подобных пороках всегда винят женщину. Она, подобно Виринее, искушает красотой, а после утягивает за собой в Бездну. Но ты о себе сейчас лучше подумай. Как с матушкой и сестрицей без меня останешься, не перечь им, что бы ни говорили. Стужа поворчит да забудет, а вот если слово против скажешь – вовек не простит. Ты уж потерпи.

Зара, полная благодарности, прижалась щекой к руке Радуги:

– Тебе тоже перепадало от неё?

– Нет, со мной всё иначе. Буран с отцом сговорились о нашем опалении ещё до моего рождения. Дела у них общие, батюшка обозник, лошадей разводит, а Борщевики торговлей занимаются, поля их пшеничные аж до Междуреченки тянутся. Вот и скрепили товарищество родством.

– Значит, и тебя никто не спрашивал?

– Оно ни к чему было. Мы на отколе среди лугов жили. Я, кроме Паводка, парней и не видала. И в жёны ему меня с детства готовили. Тебя же от безысходности сосватали, оттого свекровь и досадует. А Пламень, он добрый, хоть и горячий. Батюшка только воли ему не даёт, вот он нрав свой и показывает.

Сегодня Зара была никчёмной помощницей. Посуда выскальзывала у неё из рук, нож норовил рубануть по пальцам, да в довесок едва не посолила дважды похлёбку.

– Да что с тобой? – Радуга успела перехватить занесённый над горшком черпак с солью. – Ты из-за Яблоньки такая смятённая? Не слушай её – сестрица только и ждёт, как бы кого уязвить.

Зара кивнула, но тревожили её не слова Яблоньки, а собственные мысли. Она ведь пожалела блудницу и обрадовалась её спасению. Уж не ведьма ли порчу навела, голову затуманила, что не отличить теперь грешного от праведного? Надо будет обратиться к Тринии, чтоб наставила и вразумила.

Вечером Яблонька, не зайдя в дом, побежала на площадь разузнать новости. Вернулась запыхавшаяся, затараторила с порога:

– Ой, что было-то, Свет-заступник. Ведьма-то к кузнецу ходила! Прямо в дом ввалилась, бесстыжая! А кричали-то как, кузнец бранился, выгнал её. Тогда она к родителям Капели пошла, – а им уж и ворота навозом вымазали – но и оттуда ни с чем спровадили. Так и придётся ей блуживую колдунству учить.

Пламень жадно слушал, даже сглотнул так, что кадык вниз-вверх скакнул. Буран глаз с сына не сводил:

– Не помышляй даже! Нам с Радугой утром на откол ехать за подводами. А вы с Паводком на мельницах остаётесь товар готовить.

На Поклонение Зара встала к Тринии. Яблонька хихикнула и хотела что-то колючее сказать, да отец цыкнул на неё. Молитву в тот вечер закончили быстро, все разошлись по комнатам, а Зара до глубокой ночи вопрошала мудрую, только просветление никак не наступало: Капель было по-прежнему жаль.

Утром провожали хозяина и Радугу с детьми. Напоследок она шепнула Заре:

– Буран у батюшки долго гостить не станет, как подводы соберут, так сразу назад, за пару дней обернёмся. Только не перечь матушке!

Дом без невестки и ребятишек будто выстудился, жалобно скрипел половицами и тоскливо завывал сквозняками. Заре чудилось, будто по пустым комнатам кто-то ходит. Обед она готовила, стараясь не шуметь и не стучать посудой, бесконечно прислушиваясь и повторяя по кругу: «Свет-заслони-и-защити». Когда от страха стало совсем невмоготу, ей подумалось, отчего бы не сбежать к матушке, хотя бы только увидеть и обнять её. Но побоялась, что соседи заметят и скажут свекрови. Наконец у ворот зазвенели бубенцы и снег захрустел под полозьями саней Стужи. Зара и подумать не могла, что обрадуется её возвращению.

Среди ночи муж тронул Зару за плечо. Она едва не вскрикнула, но вспомнила наказания Брюквы не противиться. Однако Пламень разбудил не за тем:

– Тише, не бойся, не обижу. Матушка двери заперла, а ключ при себе оставила. Я в окно в кухне вылезу, там не законопачено, а ты прикрой за мной, чтоб не выстудило. Если матушка спросит, говори, что знать ничего не знаешь, спала. А следы к утру занесёт.

Впотьмах прокрались в кухню, стараясь не наступить на скрипучие половицы. Зара и не помышляла послушаться мужа, но в висках стучало от сомнений: «Что же я делаю! Греху потворствую! А как быть-то? Закричать, свекровь разбудить? Да она проснуться не успеет, как он меня с тем криком удушит». Так ни на что не отважившись, она дошла до окна вслед за Пламенем, не помешала ему выбраться, тихо закрыла створки и вернулась в постель.

Наутро Стужа бранилась и кляла ведьму за чары, наложенные на дом, и Зару за крепкий сон. К счастью, Пламень вернулся до молитвы, чем успокоил мать.

К вечеру мимо ворот к мельницам прокатили подводы обоза. Замыкавшие вереницу сани Бурана остановились у дома, из них выбралась Радуга. Обняла выбежавшую навстречу Зару и шепнула:

– Что-то тревожно мне, гнетёт всё. Упросила батюшку побыстрее подводы снарядить и вернуться. Детей у родителей оставила погостить.

Перед долгой дорогой в столицу мужчины отправились спать пораньше. Радуга последовала в опочивальню за Паводком.

– А ты с мужем даже прощаться не желаешь? – Стужа собиралась на мельницы следить за погрузкой. Говорила в сторону, не глядя на Зару: – Ну? Чего стоишь столбом? С тобой и охочий помрёт с тоски. Баба лаской брать должна. Прижмись к нему, обними. Много ли парню надо? Досадуя на непонятливость невестки, свекровь подтолкнула её в спину.

Пламень вытянулся на сундуке, отвернувшись к стене. Зара прикрыла за собой дверь, но не смела и пошевелиться. Как же это можно, самой подойти, прижаться и обнять? Свет-заступник, срам-то какой!

Муж обернулся к ней:

– Ты чего?

– Н-ничего... Матушка проститься велела.

– А-а, – отмахнулся он, – обожди немного, она сейчас уедет.

И снова отвернулся к стене. Зара перевела дух. Хоть в том, что Пламень не принуждал к страшному, ей повезло. Вскоре стукнула створка ворот и зацокали копыта по обледеневшей дороге. Можно было вернуться в кухню – собирать снесь в долгий путь.

Ближе к ночи явилась Радуга, румяная, смущённая, с тихой улыбкой на губах. Огладила юбки и принялась помогать раскладывать припасы по мешочкам, порой неловко просыпала сухие дольки яблок и тихо посмеивалась над собой. Зара украдкой наблюдала за ней: «А сестрице, кажись, вовсе не страшно и не больно было. Как бы расспросить? Только стыдно говорить о таком. Позже как-нибудь, когда Пламень вернётся, а пока нет нужды в том».

Утром наскоро помолились, накормили мужчин и проводили в Приморье, пожелав не встречать в пути лихих людей, в торговле – скупых покупателей, а болезни и бездорожье чтоб стороной обходили. Вслед за обозом уехали на мельницы и в сыроварню Стужа с дочерью. Невестки остались одни в доме.

Радуга поставила на стол ржаные сухари, орехи и кувшин с водой:

– Дел у нас с тобой три дня никаких: чтоб беду в дороге не накликают, ни пола, ни печи касаться нельзя. А потому, как поедим, за шитьё возьмёмся. Ребята у меня обносились уже, да всё недосуг им рубахи раскроить. А ты, слыхала, вышивальщица искусная.

Зара зарделась, но отпираться не стала.

После завтрака Радуга принесла резной ларь. Хоть мастерицей она была не очень умелой, инструментом для рукоделия владела отменным. Зара любовно перебирала тонкие и блестящие стальные иглы, острые ножницы, медные напёрстки, гладкие пальцы. Настоящие сокровища!

Едва успели разложить полотно под раскрой, как с улицы донёсся вопль.

– Ох, Свет-заступник, что за напасть опять? – Радуга отбросила ножницы и побежала во двор, на ходу крикнув Заре: – Идём, посмотрим, что стряслось!

Кричали в кузне. Со всех дворов уже выскакивали соседи и спешили на шум.

Перед кузней собралась толпа. Заре не доставало роста, чтобы из-за спин увидеть, что случилось. Радуга пробралась вперёд и вскоре вернулась:

– Вот беда так беда! Кузнец сыну руку молотом раздробил.

Подкатали сани. Народ расступился, давая дорогу. Заре открылся двор, залитый кровью. Кузнец с женой тащили покалеченного парня к саням. Вместо кисти от запястья свисало месиво из костей и мяса.

– В Перепутье к лекарю собрались, – проговорил кто-то рядом.

– Довезут ли?

Кузнец вдруг оставил сына на жену и выскочил за ворота. По улице неторопливо шла Горлинка.

– Всем Светлым заклинаю, помоги! Какой из парня работник без руки? – взмолился кузнец.

– Ты от горя умом повредился. Разве ж травами новые руки можно отрастить? Ищи помощи у лекаря, – насмешливо ответила ведьма.

– Чего ты хочешь? – Кузнец опустил перед ней на колени. – Чтобы он Капель в жёны взял? Спаси только, я сам их на опаление отправлю!

– К чему Капели муж калека?

– Гадина! – взревел кузнец. – Ты же и навела порчу на молот! Гореть тебе в Бездне!

– Замолчи, пока новой беды не выпросил! – заголосила его жена. – Не теряй времени, едем скорее!

– Слушай жену, кузнец, она поумнее тебя будет, хоть и женщина, – проговорила ведьма с ласковой издёвкой и пошла прочь от кузни.

Как сани скрылись за воротами Трихолмки, народ разбрёлся по своим делам. Зара с Радугой тоже вернулись в дом и принялись за шитьё, но думалось совсем не о рубахах.

– Рада, почему ведьма не вылечила руку парню? Отец же согласился опалить сына с Капелью.

– Кто знает. Может, и вправду исцеление не в её силах. А может, слишком зла на них за то, что выгнали тогда. Или не хочет для Капели такого мужа.

– Да неужто той лучше изгнанной жить?

– Для Капели, может, и не лучше, только поди разбери, чего ведьма замыслила. А нам и вовсе нечего говорить об этом, чтобы на себя беду не навлечь.

Зара замолчала, только мысли не унимались. А чего бы хотела сама Капель? Обрадовалась бы она случаю стать женой того, которого любила так сильно? Или же обида на него была сильнее? Только что толку гадать? Ведьма за неё всё решила.

К исходу срока каждый день ждали возвращения мужчин. От забот теперь голова шла кругом. Только и делали, что прибирали в доме да обед на изготовке держали.

Зара с Радугой трясли половики во дворе, когда против ворот всхрапнул конь Горлинки. Ведьма подошла к калитке:

– Зарница, передай Пламени, чтоб не ходил ко мне, пока свет в окне не увидит. Да, вот ещё. – Знахарка перекинула рукавицы через забор. – Забыл он в последний раз.

Горлинка забралась в сани. В них уже сидела Капель в пёстром платке вместо чепца. Зара собралась было подобрать рукавицы, но Радуга вскрикнула:

– Не трожь! Ох, беда-беда, Свет-заступник, заслони от напасти! – Метнулась к поленице, принесла щепок. – Сходи за маслом, спалить надо эту погань зачарованную.

Рукавицы горели долго, чадя чёрным дымом. Радуга подкидывала в огонь сухие сучья и всё время благодарила Тринию за то, что вразумила оказаться рядом и защитить дом от колдовской порчи. Зара же поражалась наглости ведьмы:

– Неужели никакой управы на чужачку бесстыжую нет?

Радуга застыла с веткой в руке:

– Ты не знаешь? Ведьма не чужачка – родня её тут живёт с тех пор, как Трихолмка в пять домов была. Витков сорок назад бабку Горлинки муж выгнал: пустой она оказалась. А в то

время жила в лачуге у леса древняя знахарка – уж такая древняя, что даже старики её молодой не помнили. Она и приютила из жалости отвергнутую женщину. Учила её травы различать и снадобья из них готовить. Только той обида на мужа покоя не давала, спуталась она с пришлым работником и понесла дитя от него.

– Значит, не была она пустой?

– Выходит, что не была. Только всё равно дурной оказалась, вскоре бросила дочь Неждану на старуху и сбежала с любовником. Знахарка вырастила девочку, но и на неё грех матери перешёл – полюбила она парня из деревенских, не сберегла себя, а он от неё отказался, опалился с другой, чистой. Неждана понесла от него и родила вскоре дочку Горлинку, да рас-судком от горя тронулась. То бродила, как помешанная, то вдруг какое прозрение находило на неё, предсказания делала людям, одно другого страшнее. И сбывались они. Старуха к тому времени сгинула, так Горлинка и жила с умалишённой матерью, пока та совсем не погрязла во тьме. Дочке витков пять было, когда Неждана снова понесла невесть от кого. Родила зверя, который разорвал ей нутро. Когда люди решились в лачугу зайти, роженица с чудовищем мертвы были. Так Горлинка сиротой и осталась. Её Сёстры Огненные забрали. Где уж она была и чему училась у них – про то не скажу. Но вот вернулась.

Зара дивилась тому, как легко Радуга рассказывает о Горлинке. У Польней даже упоми-нать о знахарках было грешно, а уж о поколениях до нынешней ведьмы и вовсе никогда не говорилось.

«Значит, тяга к блюду в крови у них и передаётся от матери к дочери. От жизни к жизни судьба витки повторяет. Вот только Пламень, женившись, не забыл свою любовницу».

А пуще всего прочего Зару поразило, что бабушку Горлинки муж выгнал за то, что та не смогла понести, и даже мысли не допустил, что повинен в этом он сам.

– А ведь и меня пустой вскоре сочтут. И погонят, как Яблонька и сказала, – сами собой высказались горькие мысли.

Радуга притянула к себе молодую невестку и зашептала в ухо:

– А ты не жди, что муж сам к тебе придёт. Завлеки его. Как вернётся, напарься в бане, умасти кожу пахучими травами, распусти волосы...

Зара отшатнулась:

– Да разве ж можно так? Часто мыться грешно, к чистой душе грязь не пристанет!

– К излишней чистоте не только грязь, но и супруг не пристанет. – Рада усмехнулась, будто знала тайну, сокрытую от Зары.

К вечеру прискакал работник с вестью, что обоз подходит к Перепутью и завтра прибу-дет в Трихолмку. В доме закипела работа. Полночи готовили кушанья, Стужа приказала даже молочного поросёнка забить. Печь так пылала жаром, что у Зары челец промок от пота.

Спать отправились под утро. Зара уснула, едва опустившись на постель, а мгновение спустя Радуга уже трясла её за плечи:

– Вставай, я баню истопила, до возвращения мужей помоемся.

В окошке светлел серый рассвет. Зара через силу подняла голову с подушки и поплелась за сестрицей.

Слоистый пар, пахнувший хвоей, взбодрил от сна. С каждым вдохом будто живительные силы вливались в лёгкие и растекались по телу. Радуга захватила с собой ароматные масла и втирала их в разогретую кожу. Зара, краснея от стыда, тоже мазала себе грудь, живот и бёдра. После распустили косы и долго промывали волосы отваром из ромашки и мяты, затем расчё-сывали их, пока не высохли и не заблестели.

Стужа с Яблонькой отменили работы и ждали мужчин. Обоз появился к обеду. Уставшие лошади ступали тяжело и с трудом тащили пустые подводы. Обгоняя их, к дому скакал Паво-док. Едва поравнявшись с воротами, он спешился и обнял Радугу.

«Как же он тосковал по жене. А вот братец его не торопится меня увидеть», – печально отметила Зара.

Пламень и правда не взглянул на неё. Он вошёл следом за отцом и зашевелил ноздрями, учуяв запах горячей еды.

– Сперва смойте с себя грязь дорожную. – Стужа вручила мужу с сыновьями чистую одежду и отправила во вновь натопленную баню.

За столом говорили о доброй торговле да оказиях в пути. Паводок с Бураном привезли по узлу подарков жёнам. Стужа накинула на плечи новую шаль, а в ушах Радуги горели красными огоньками гранатовые серьги.

– Пламень, что же ты Зарницу не одаришь? – Буран дождался, пока младший не отодвинул от себя миску, насытившись.

Парень будто опомнился, вышел из трапезной и вскоре вернулся со свёртком, но не отдал его жене весь, вынул лишь костяной гребень, украшенный янтарём. Остальное вновь завернул и спрятал за пазуху.

«Знать, для Горлинка вёз. Если бы отец не велел, то и не вспомнил бы обо мне», – подумалось Заре с обидой, но сомнения высказывать не стала, поблагодарила мужа.

Яблонька тоже смекнула, что к чему, и не смогла смолчать:

– Братец, какие гостинцы ты ведьме припас? Говорят, она укатила вчера вместе с Капелью. Видать, в дом похоти продавать её повезла.

Пламень взъярился:

– Уйми свой язык, сестрица! Смотри, как бы тебе самой в тот дом не отправиться.

– Мне?! Да никогда! И муж у меня по блудницам бегать не будет.

– Не зарекайся. Если вообще охотник до твоего яда найдётся...

– Хватит! – гаркнул Буран. – Не для того я домой спешил, чтобы брань вашу слушать.

Паводок встал с лавки:

– Пойдём мы с женой к себе. Устал я с дороги.

Стужа легонько пнула Зару под столом и показала глазами на выход. Та и сама рада была попрощаться.

За окном уже стемнело. Зарница зажгла светильники и облачилась в нижнюю рубаху из тончайшего, почти прозрачного хлопка, что дала ей Радуга. Оголённым плечам стало зябко. Зара прикрыла их, распустив косы. Вспомнила о подарке мужа. Гребень, хоть и предназначался ведьме, пришёлся ей по нраву. Он мягко скользил по волосам и словно протягивал за собой блик света. За расчёсыванием Пламень и застал жену, остановился, наблюдая заворожённо, протянул руку, коснулся пряди:

– Точно золото на плечи льётся...

И тут же отдернул пальцы, будто обжёгся. Весь подобрался, посуровел:

– Затужи лампы, я спать буду.

Зара послушалась. Пламень улёгся на сундук и долго ворочался. Всё же не выдержал и спросил:

– Ты Горлинку видела?

Зара не хотела говорить о встрече, но записаться смысла не было: ведьма сама расскажет, когда вернётся, и неизвестно, какими словами...

– Видела. Велела передать, чтоб не ходил к ней, пока свет не зажжёт.

– И всё?

– Ещё рукавицы передала. Только... – Ох, придётся до конца сознаваться.

– Что?

– Мы с Радугой сожгли их.

– Зачем?

– Чтобы чары в дом не пускать.

Зара зажмурилась, ожидая мужниного гнева. Но он вдруг рассмеялся:

– Глупые бабы, некоторые чары в огне раскрываются, – затем отвернулся к стене и тут же захрапел.

Зарница же так и сидела, поражённая. Выходит, ведьма власть над огнём имела, если он, вместо того чтобы очищать от скверны, служил для её тёмных дел.

Наутро Стужа заглянула с проверкой. Увидев сына с невесткой по разным углам, в сердцах хлопнула дверью:

– Не будет проку от этого опаления. Такой пустоцвет, что после разлуки к ней прикоснуться не тянет.

– Дай им время, молоды ещё, – ответил на ворчание жены Буран. – Через виток наберёт девка соков, тогда и посмотрим.

Глава 5. Обитель

По весне занемогла Радуга. Поначалу Зара не придавала значения внезапной тошноте: мало ли чего съела сестрица. Но недуг не отступал, каждое утро ей становилось дурно от запахов еды. Вскоре вся стряпня легла на Зару. А Радуга слабела и даже подурнела: румянец на щеках сменила бледность, по светлой коже поползли ржавые пятна, а под глазами легли тени.

Причина внезапной хвори Радуги раскрылась в начале лета. Как-то вечером за разбором счётовых книг Паводок сообщил Бурану:

– Батюшка, Радуга тяжёлая, к зиме ребятёнка ждём. Тесно всем станет. Надо бы отстроиться нам да переселиться. Что скажешь, если дом, который у Смородиновского пруда закладывался, подниму?

Стужа посерела лицом:

– Да что за надобность-то? Неужто дитя стеснит?

– Пока не стеснит, так ведь и стены не за день возводят. Там, глядишь, и у Пламеня малыцы пойдут.

– Ой, куда им...

– Помолчи, мать, – оборвал причитания жены Буран. – Такие дела мужам решать следует. Паводок, что своим хозяйством жить хотите, то хорошо – окреп ты, значит. Тот дом я сам закладывал, когда время отделяться пришло, да только лихая беда всю семью унесла, без надобности он стал. Но время ли сейчас? Военные подати с каждого двора берут. Потянуть-то потянем, да не шибко охота на властовы забавы горбатиться.

– Батюшка, говорят, скоро конец братской вражде настанет, сам Огненный Судия из Верховной Цитадели в Приморье едет, чтобы властов примирить.

Буран сгрёб бороду в кулак, помрачнел:

– Когда Цитадели дело до нашей бузы было? Да ещё чтобы сам Верховный обратил взор на неё? Если так, то тут чего посерьёзнее братской войны затевается. А с Судией дознаватели налетят, из-за проклятия на нашей Огневице Трихолмку до последнего кустика досмотрят.

– Если дознаватели до нас доберутся, то гореть Горлинке? – довольно хихикнула Яблоня.

Буран сжал плечо Пламеня, предупреждая всплеск ярости:

– Как бы нам всем не сгореть из-за блуда нашего дурня с ведьмой. Ты, Яблоня, придержи язык, пока не накликала. Ну да не о том речь ведём. Паводок, вот что скажу по твоей затее. Гадать, что дальше будет, толку нет. Решил строиться – принимайся за дело. Стены, верно говоришь, не за день возводят. Работы порядком будет: камни для печи завезти, сложить её, лес заготовить. За всеми заботами, глядишь, прояснится, что к чему. А теперь пора на Поклонение.

Хозяин поднялся из-за стола. За ним встали сыновья и Яблоня. Зара с Радугой остались прибраться. Когда все вышли, Стужа притворила дверь, подошла к Заре и откинула оборку с её чепца:

– Если слухи про дознавателей верны, то некогда нам год ждать. Ведьму теми же силами одолеть можно. Понимаешь, о чём я?

Зара растерянно повела головой. Свекровь теряла терпение:

– Мать свою спроси, чтоб растолковала и помогла. Я тебе в этом деле не советница.

Стужа ушла, оставив невесток наедине. Зара повернулась к Радуге:

– О чём она говорила?

– О том, что против колдовства только колдовство справится. От чар Горлинки другая знахарка избавить может.

– Свет-заступник! У ведьмы защиты искать – из греха во грех бежать! Как же я матушке о таком скажу?

– Не все знахарки ведьмы. Скажи своей матушке, чтобы о травнице разузнала.

– Ведьма, травница – суть одна.

– Одна, да по разные стороны. Сама подумай, как колдовство творится?

– Не знаю я этого и знать не хочу!

– Тише, не шуми. Ведьмы потворствуют лишним мыслям и желаниям, а травницы, наоборот, лишнее отнимают. Всё грешное в людях от лишнего. Грязь ведь на чистой одежде лишняя? А если заноза под кожу попадёт? Она лишняя? Мешает и болит, а как вытащишь её, так легче становится. Когда дитё горячкой страдает, жар у него лишний?

Зара согласилась:

– Пожалуй, что так.

– Только горячку, как занозу, не вытащить. Больного следует травами отпоить, тогда жар с потом из тела выйдет. И с мужем твоим также: опоила его Горлинка, впустила лишнее в тело и разум. Как найдёшь способ изгнать – так Пламень и очистится.

Заре о многом ещё хотелось расспросить Радугу, но невесток и так заждались на поклонение. Пришлось отложить разговоры до следующего дня, а пока оставалось просить о наставлениях мудрую Тринию и маяться чуть не до утра без сна от грядущего разговора с матушкой. С Брюквой после опаления Зара виделась коротко и нечасто, на безразличие Пламеня пожаловаться как-то не довелось. Теперь же придётся признаться в непорочном супружестве. И рассказать о совете свекрови обратиться к ведьме. В семье Польней даже слов таких, как ведьма и колдовство, не произносили, пока в Трихолмке не появилась Горлинка, да и после старались не осквернять дом дурными толками.

Вдруг Зара с облегчением поняла, что матушка и спасёт её. Побранится, конечно, но строго-настрого запретит прибегать к колдовству. Насильно Борщевики не потащат невестку к знахаркам.

Однако Брюква, узнав, что в Трихолмку нагрянут дознаватели, встревожилась:

– Этой напасти только не хватало! Мудра Стужа, дело говорит. Где же нам знахарку найти против Горлинки?

– Матушка, ты всерьёз о колдовстве? Зачем нам о него мараться? Чего нам дознавателей бояться, если мы ничего дурного не делали? Пусть они Пламеня с ведьмой бесстыжей судят, а на нас греха нет.

– Молода ты ещё, жизни не знаешь. Не нужно виноватой быть, чтоб под судом оказаться. Ведьма всех оговорит, чтобы себя спасти. Дознаватели разбираться не будут, схватят, на кого показала. А под пытками любой грех на себя возьмёшь.

– Да за что же меня пытать?

– Достаточно того, что муж с тобой не ложится. Сёстры это определяют, не сомневайся. Значит, изъян на тебе или скверна от родителей. А скверну выжигать следует.

– Что же делать, матушка?

– Знахарку искать, чтоб мужа твоего от ведьмы отворотить. Ну да это уже моя забота. Отцу только молчок: он нас скорее огню предаст, чем ворожбу потеряет.

Найти знахарку оказалось непросто. Прямо о таком не спросишь, оставалось только ловить слухи, кто, к кому и куда за помощью ходил. Но о подобном на всех углах тоже не говорили. Каждый вечер Стужа кидала вопрошающие взгляды на Зару и с досадой поджимала губы, видя её склонённую голову.

В поисках знахарки неожиданно помог приезд Судии. В столицу потянулись все кому не лень: жаждущие прикоснуться к святости, желающие донести дознавателям о грешной жизни соседей, просто любопытные и охотники до зрелищ, а с ними торговцы всех мастей и родов. Приморские харчевни не могли прокормить такую прорву, самый захудалый товар поднялся в цене втрое, чем и пользовались охотники за прибылями.

Буран с Пламенем тоже повезли в столицу обоз с мукой и сырами. Оставшиеся дома Стужа и Паводок снаряжали всё новые подводы и отправляли отцу.

Зазимок за работу на пасеке получил двенадцать мер мёда. Ехать в Приморье с такой малостью толку не было, но в Перепутье тоже велась бойкая торговля – перекупщики брали товар, не спрашивая цены. Брюква напросилась поехать с мужем и, уловив момент, заглянула в ряды со снадобьями, где осторожно посетовала, что мужа дочери околдовали. Ей сочувствовали, предлагали всевозможные зелья, помогающие от приворота, пока наконец кривая баба не потянула Брюкву за рукав в укромный угол и не рассказала, где искать знахарку.

Целительница обитала далеко за Перепутьем, в деревне у склонов Северных гор, в трёх днях пути от Трихолмки. Какой же предлог для такой долгой отлучки можно было придумать? И как добраться? Просить отца отвезти и заикаться не стоило. А ещё знахарке требовались волосы или ногти Пламеня. Зара не представляла, как ей их раздобыть.

Все вопросы разрешила Стужа:

– В Северных горах обитель Огненных Сестёр стоит. Туда и поедешь. Скажем всем, что ты отправилась в святое место молить Сонию о ребёнке. Только подождать мужчин придётся, нет сейчас ни подводы свободной, ни работника. А за волосы не переживай, будут тебе волосы.

Мужчины вернулись по осени, незадолго до равноденствия. Несмотря на невиданную выручку, Буран ворчал и хмурился. Пламень же, напротив, был возбуждён и резок. Стужа не стала подступаться с вопросами, а сперва отправила мужчин в баню. Вручая сыну чистое исподнее, она тронула его тёмные кудри:

– Зарос-то как. Погоди, сейчас укорочу. Зарница, подойди, поможешь.

Зара подставила передник. Свекровь скидывала в него снятые пряди.

– Сожги в печи, – велела Стужа, закончив.

Зара исполнила, но прежде завернула несколько завитков в тряпицу и спрятала на груди.

После обеда Буран рассказал о столичных новостях:

– Как и думал, у Судии своя печаль: мир между властями ему нужен, чтобы на Загрядье войной идти. Подати теперь вырастут втрое против прежних, а как к делу подойдёт, так от службы ничем не откупишься.

Стужа охнула, схватилась за грудь. Паводок же спокойно спросил:

– Чем Загрядье Судии не угодило?

– Эти вероотступники жгут Огневое Писание и проповедуют учение лжепророка. И самый главный вероотступник – загрядский власт Рассвет. Судия прежде призывал его одуматься, да куда там – Рассвет в ответ изгнал из властва всех наставников. Теперь учёных подле себя собирает, заявляет, что счастье людей в знаниях.

– И правильно делает! – выкрикнул Пламень запальчиво. – Тупые ослы в Цитадели прикрываются писанием, которое сами же и переврали, чтоб народ из навоза голову поднять боялся, а Судия с дознавателями тем временем знаниями Святозаров владеют. Несущий Истину пересёк Виринееву гряду и невредим остался. Это доказывает, что он настоящий пророк. И учение Святогласа он не опровергал, а растолковывал, что тот на самом деле говорил, а что люди по невежеству исказили.

Кулак Бурана сбил Пламеня со скамьи. Отец встал над сыном.

– Нахвтался поганых речей в столице! Ещё раз вздумаешь о том заговорить – лучше привяжи камень к шее, да в Серебрянку. Иначе я сам тебя придушу, пока ты всю семью не сгубил. И все помалкивайте! Дознаватели с карателями в поход по деревням собираются, казнить вероотступников на месте без суда будут.

Пламень вскочил и кинулся вон из трапезной.

– Стой, сопляк! – гремел вслед голос Бурана. – Даже не помышляй больше к ведьме шастать.

Со двора донёлся цокот копыт.

Стужа отважилась заговорить с мужем о паломничестве Зары в Северную обитель. Тот выпалил в сердцах:

– Пусть хоть в Дивнодолье отправляется, если это поможет нашему дурню за ум взяться. Собери ей всё, что требуется. Свет в помощь в таком деле.

Разбирая вечером котомку мужа, Зара нашла мешочек с вышитыми на нём голубкой и непонятными завитками. В уголки внутри забились остатки орехов и сушёных ягод.

«Видать, Горлинка в дорогу дала, чтоб и в разлуке к себе вязать».

Помня слова Пламеня, что некоторые чары раскрываются в огне, Зара не стала сжигать находку, а украдкой ушла со двора к реке и закопала мешочек на берегу.

Вернувшись в дом, встретила поджидавших её Стужу и Яблоньку.

– Куда бегала? – строго спросила свекровь.

– Так... На ветер захотелось. Душно.

– А чего тогда на берегу закапывала? – ехидно пропела сестрица.

Зара молчала. Стужа подтолкнула дочь к выходу.

– Иди к себе. Да не подслушивай! – дождавшись, пока стихнут шаги Яблоньки, снова повернулась к невестке: – Ну?!

– Мешочек ведьмин у Пламеня нашла, унесла подальше от дома.

– С чего решила, что он ведьмин?

– Там голубка вышита и узоры странные, у нас в деревне таких не видела. И в нём орехи с ягодами были, а сейчас пусто.

– Похоже, что так. Почему же не сожгла?

– Так некоторые чары в огне раскрываются.

– Откуда же тебе известно такое?!

Зара прикусила язык. Если признаться, что Пламень открыл, то придётся рассказывать и о рукавицах, и об их с Радугой уговоре молчать.

– Не знаю... Вроде слышала где-то...

К счастью, свекровь не стала допытываться:

– Ладно, может, оно и правильно. Соберите с Радугой на стол, только по-скорому. Отец отдыхает с дороги, а твоего мужа можно не ждать. Поужинаем, помолимся – и спать. Завтра подводу укладывать надо, дары Сёстрам собирать. Как управимся, так и тронетесь.

В путь отправились затемно. В подводе, занятой головками сыра, корзинами с яйцами, копчёными колбасами и грудинкой, что везли в дар Сёстрам, Заре с матушкой пришлось прилечь в углу на соломе, прижавшись друг к другу. Осенняя ночная сырость быстро пропитала одежду, а от мягкого бока Брюквы исходило тепло. Однако, даже согревшись, Зара не могла уснуть. Она и сама не понимала, какая встреча её больше пугает: со знахаркой или с Сёстрами, и продолжала стучать зубами от страха.

Небо на востоке порозовело, и вскоре над горизонтом показалось косматое солнце. Серые кусты и деревья вдоль дороги будто стряхнули с себя пыль и подставили под лучи жёлтые и красные листья, ещё влажные от ночного тумана. Зара привсталась в телеге, оглядываясь по сторонам. Деревенские холмы остались далеко позади, вокруг расстились укутанные дымкой луга, на западе пестрел лес. Тревога рассеялась вместе с темнотой. Ехать ещё долго, и впереди целых три дня с матушкой!

Брюква зашевелилась, просыпаясь. Велела вознице остановиться у ближайшего ручья, чтобы наскоро умыться. Мужичок кивнул:

– Оно можно, лошадке попить и отдохнуть пора.

Заре тоже не терпелось сойти на землю и размять ноги. Наконец среди зарослей багряных рябин блеснуло озерцо. Она на ходу спрыгнула с подводы и побежала к берегу. Вода оказалась студёной, пальцы тут же заломило, по коже прокатилась дрожь. Зара поскорее выбралась из тени на освещённое солнцем место и ждала, пока Брюква умоется. Той холод был нипочём.

– Матушка, тебя ведь Рябинкой звать. Не такой ли красной она была?

– Да, такой. Я крупная родилась, намучилась твоя бабушка со мной. Дважды над ней луна и солнце проходили. Уже силы оставляли её, порой в беспамятство впадала и тут заметила, что рябина за окном вмиг вся покраснела, будто костёр вспыхнул. И всё ей казалось, что это Сония светоч зажгла, чтобы роженицу поддержать. Потому и нарекла меня Рябинкой. Только отец рассмеялся, как увидел мои багровые щёки и хохолок на макушке. Сказал: «Такая мордатая, как есть Брюква». Так оно и приросло. А уж как я вширь пошла, так никто и не вспоминал уже, что Рябинкой меня в Огневице наставник при светочах назвал.

Зара оторвала от грозди несколько ягод, закинула в рот и поморщилась от терпкой горечи.

– Вот ведь как имя судьбу поворачивает... А уж с моим о спокойной жизни и помышлять нечего. Для счастливой женской доли надо Радугой зваться или Яблонькой-в-цвету. Матушка, неужели ты ничего, кроме зарниц, не видела, когда я на свет появилась?

– Нечего было видеть. Темень крошечная стояла, только зарницы полыхали. А что до Яблоньки, так помню я день её рождения. В слякоти и грязи телеги вязли, цветение только спустя луну началось. Но раз Буран пожелал, чтоб цвело, кто ж ему слово поперёк скажет?

Наутро третьего дня на севере показалась синяя полоска гор. Зару придавила тревожная тяжесть. Брюква же оживилась, заозиралась по сторонам и велела вознице спрашивать у каждого встречного, как добраться до Логовицы.

– А чего нам в той Логовице? – удивился работник.

– Дурень, разве можно к Сёстрам в дорожной грязи заявляться? Найдём баню, сменим пыльную одежду на чистую, отдохнём и двинем дальше, чтоб к рассвету в обитель успеть.

Деревню нашли к полудню. Устроившись на постой, Брюква сказала вознице, что они с дочерью сходят навестить дальнюю родню. Мужик равнодушно зевнул в ответ и полез отсыпаться в телегу.

Зара с матушкой вышли к окраине, высматривая одиноко стоящее жилище знахарки. Однако ни один из домов на улице не походил на обитель ведьмы. Из ближайших ворот показалась женщина, поздоровалась с чужачками, спросила, кого они ищут. Брюква подошла к ней поближе и шёпотом сказала о знахарке. Зара ожидала, что местная отпрянет с отвращением, поднимет крик, но та спокойно указала на улицу, что вела к Огневице и ответила, ничуть не смущаясь:

– Тётушка Прохлада живёт вон в том доме с вертушкой на крыше. Передавайте ей поклон от Проталины.

Всю дорогу Зара гадала: то ли народ в Логовице такой бесстыжий, что открыто раскланивается с ведьмой, то ли и вправду знахарка знахарке рознь. Дверь отворила высокая костлявая старуха с седыми косами и в белом платке, повязанном вокруг головы.

– Здравствуйте, тётушка! Мы с бедой к вам, – приветствовала хозяйку Брюква.

– С радостью ко мне не являются. Проходите!

Зара ожидала увидеть внутри всё что угодно, но не освещённый светочами поклонный угол с фигурками Сонии, Левии и Тринии.

– Чего рот открыла? – Прохлада подтолкнула изумлённую гостью в спину. – Думала, у меня тут изваяние Виринеи?

Зара смутилась и пролепетала извинения.

– Рассказывайте, с чем пришли, – перешла к делу знахарка.

– Да вот, – начала Брюква, – навели чары на мужа дочки. Бегают к любовнице, на жену не смотрит. Можно ли его от разлучницы отвязать, а к Зарнице моей привязать?

– Ты чего несёшь?! – рассвирепела старуха. – Я таким не занимаюсь! За ворожкой к ведьме иди, если Карающего Огня не боишься, только за деяния свои всё равно ответишь. Нельзя никого привязать и отвязать насильно – грех это большой. А я только от наведённой скверны избавляю. В этом никакого колдовства нет. Даже Сёстры моей помощью не гнушаются.

Брюква побелела. От ужаса только пучила глаза и заикалась. Знахарка сжалась над ней:

– Ладно, глупая ты баба. Вижу, что не разумеешь, о чём просишь, худое не замышляешь.

Если есть чары наведённые, то помогу.

Прохлада с проворством, неожиданным для старухи, сдёрнула с Зары чепец и отхватила прядь волос небольшим острым ножом, непонятно откуда взявшимся в руке. Затем зажгла плоскую лампу и бросила волосы в огонь. Пламя вспыхнуло с шипением и через мгновение вновь горело ровно.

– Чиста, – заключила знахарка и протянула руку: – Давай, что от мужа принесла.

Зара достала тряпицу с кудрями Пламеня. Огонь беспокойно заметался, волосы рассыпались зелёными искрами, источая резкий запах смрада.

– Свет-заступник, погань-то какая! – Прохлада накрыла лампу колпаком. – Давно твоего мужа опаивают.

– А очистить-то можно его? И наладится ли с дочкой у них?

– Снадобье для изгнания скверны я сделаю. Болеть, правда, сильно будет, но не помрёт. А про дочь твою сказать ничего не могу, не в человеческой власти чувствами управлять. Пусть она не допускает никого к нему, сама за ним ходит да Соню о милости просит. Всё, ступайте, Свет вам в помощь!

Зара расплатилась серебряной монеткой, которую дала ей Стужа, забрала пузырёк со снадобьем и выскочила из дома знахарки. На душе было легко. Брюква тоже радовалась и всё приговаривала:

– И никакого греха в том не было, раз Сёстры сами за помощью ходят. И дело сделали, и себя не осквернили.

В обитель Сестёр отправились ночью, чтобы добраться до ворот к рассвету. Однако каменистая дорога в гору оказалась крутой, Заре с матушкой пришлось сойти на землю и помогать лошадке тянуть тяжёлую подводу. Когда наконец достигли плата, солнце стояло довольно высоко.

Зара посмотрела на раскинувшиеся внизу луга и леса и затрепетала от величественной красоты. Казалось, если хорошо взглядеться, то с такой высоты можно увидеть Трихолмку. Ветер трепал одежду, раздувал юбку, точно хотел поднять Зару в небо и нести над землёй. Эх, вот бы вправду улететь далеко-далеко отсюда и не возвращаться никогда к Борщевикам.

– Ох, Свет-заступник, спаси и помилуй! – запричитала вдруг матушка.

Зара обернулась к ней. Брюква показала на запад, где зловещей тёмной громадой высились Виринеева гряда. Пики чёрных скал скрывались в облаках, и, казалось, даже отсюда виднелись отсветы огня, бушующего в глубоких ущельях. Заре вспомнилось, как Пламень говорил о Несущем Истину, преодолевшем эти неприступные камни, населённые тенями и чудовищами, чтобы попасть в Загрядье. Какой же храбростью нужно обладать, чтобы хотя бы приблизиться к ним!

– Вот оно, наследие гнева падшей! Как тут не убоишься кары! А Сёстры каждый день эту проклятую стену видят и в вере укрепляются. Пойдём, хватит смотреть на неё!

Сёстры с трудом скрывали удовольствие, принимая щедрые дары. После приступили к Заре с вопросами:

– Не противишься ли ты желаниям мужа от обиды или в расчёте получить что-либо?

Зара покачала головой.

– Отвечай! Если твои помыслы чисты, то и голос не дрогнет!

– Нет, – проговорила она едва слышно.

– Не презираешь ли ты мужа за слабости его?

– Нет.

– Не наслаждаетесь ли вы скверной близостью?

Зара не поняла, о чём её спросили, и обернулась к матушке. Брюква вступилась за дочь:

– Она у меня девка на ум тугая, воспитана в строгости, не понимает, о чём вы толкуете, и вообразить такого не сможет.

Помня о дарах, Сёстры не стали больше допытываться, дали наставления, о чём молить Святозарок, и отпустили Зару в поклонный зал. На том дело и кончилось. Можно было возвращаться в Трихолмку.

Глава 6. Снадобье

Стужа сразу потащила невестку в пустую кухню и взялась расспрашивать:

– Ну? Удалось?

– Да. – Зара достала из-за пазухи пузырёк со снадобьем. – Только болеть он сильно будет.

– Не помрёт же?

– Знахарка сказала, что нет. И, кроме меня, никого с ним рядом не должно быть.

– Это я устрою.

За ужином Стужа подала к столу кувшин медовой браги. Буран удивился:

– Ты чего, мать, расщедрилась? Вроде не праздник нынче.

– Это как посмотреть. Дочка в самой обители кланялась, надо и нам поднять чаши во славу Святозаров. Глядишь, устроится всё их милостью.

Пламень хмыкнул, но от браги не отказался. Отставив пустую чашу, вытер губы и про-
бормотал:

– Даже медовуха горчит от такого праздника.

Зара ждала, что мужа вот-вот скрутит недуг, но успели закончить трапезу и даже помолиться, а Пламень был по-прежнему здоров. Устроившись на ночь на сундуке, он ещё и прошептал:

– Погоди спать. Отец стал двери запирает, так я в окно выберусь. Затворишь за мной.

Когда шаги и голоса в комнатах стихли, Пламень поднялся и хотел было выйти, как вдруг зашатался и рухнул на пол. Зара подскочила к мужу. Тот лежал в беспамятстве, по горячему лбу струился пот. В испуге она чуть не подняла крик, но вовремя вспомнила наставления знахарки. С натугой втащила расслабленное тело на кровать и побежала за водой и тряпками. На шум вышла Стужа, спросила беззвучно: «Началось?» Зара кивнула. Свекровь молча принесла ветхие простыни и пустой чан.

Пламень то метался в горячке, то бился в ознобе. Временами приходил в себя, и тогда его рвало зловонной жижей. Зара то и дело выносила чан с нечистотами. Исподнее мужа и постель вскоре пропитались смрадным потом, в комнате с трудом можно было дышать. Зару саму мучило от запахов. Пришлось преодолеть стыд, раздеть и обмыть мужа. Минуло трое суток, а лучше ему не становилось.

На четвёртый день Зара застала в кухне Радугу. Та прошептала:

– Вчера Горлинка приходила. Долго стучала у ворот, пока батюшка к ней не вышел.

– Какая же нахальная! А что Буран? Прогнал её?

– Не знаю. Говорил с ней тихо, ничего не слышала. Только ведьма после ушла.

«Неужели даже Буран её боится? Оно и немудрено. Вон как сын кузнеца поплатился», – подумала и тут же забыла, потому как Пламеню сделалось совсем худо. Он корчился и выгибался дугой. Зара смачивала его пылающий лоб, по каплям вливала воду в пересохший рот – вот и всё, чем она могла облегчить страдания. Сердце сжималось от жалости к Пламеню, принимающему муки от снадобья, которое жена с матерью подмешали в его питьё. А в минуты, когда муж ненадолго затихал, Зара, как ни крепилась, проваливалась в сон, и ей чудилось, что в наказание за обращение к знахарке Святозары бросили вероломную жену на самый высокий пик Виринеевой гряды, и Карающий Огонь с чудовищными тварями подбираются всё ближе, чтобы пожрать её. Очнувшись в ужасе, Зарница принималась истово молиться, прося о милости к Пламеню и к ней, грешной.

На пятый день Пламень начал исходить кровавым потом. Уже вся перина им пропиталась, а кровь всё сочилась, лилась из глаз и ушей, отхаркивалась из лёгких чёрными сгустками.

Обеспокоенный Буран несколько раз подходил к двери, но Стужа держала слово и скорее упала бы замертво, чем допустила мужа к сыну. Если бы не стойкость свекрови, Зара давно бы звала на помощь, просила привести лекаря, а то и саму Горлинку. Пламень весь почернел, больше не метался, только скрючивал пальцы да скрипел зубами. Но к вечеру шестого дня, когда уже казалось, что жизни в нём не осталось, он расслабился, задышал ровно и спокойно уснул. Зара, измотанная долгим бдением, прилегла рядом и забылась до утра.

Бледный рассвет в оконце робко разгонял ночные тени, когда Пламень зашевелился. Зара тут же проснулась. Муж протёр глаза и с изумлением уставился на свою исхудавшую руку. В слабом сумеречном свете она казалась бесплотной.

– Что со мной случилось?

– Хворал долго.

Зара надеялась, что он не станет спрашивать о причинах болезни. Пламеня и правда больше волновало другое:

– Как долго?

– Седьмой день пошёл.

– Седьмой?! Мне же надо... скорее...

Он попытался вскочить, но сил хватило лишь на слабое движение. Зара схватила его за плечи и уложила на подушки.

– Лежи! Рано тебе вставать. Куда тебе вдруг понадобилось?

– Куда? А и правда, куда?

Не найдя ответа, он успокоился. Его живот требовательно заурчал.

– У нас поесть чего найдётся?

Зара счастливо улыбнулась:

– Сейчас посмотрю. Погоди, я быстро.

Накинув шаль, она побежала в кухню.

Буран с Паводком уже уехали на мельницу. Стужа тоже собралась на сыроварню и перед уходом давала последние наставления Радуге. Завидев Зару, осеклась, выдохнула тревожно:

– Что он?

– Очнулся! Есть попросил!

Свекровь затараторила радостно, обращаясь разом и к Святозарам, и к обеим невесткам:

– Благодарю, Свет-заступник! Рада, налей молока пока и жидкую похлёбку свари, сынку после такой голодовки только лёгкую пищу понемногу давайте. Можно к нему уже?

– Н-не знаю... – Зара растерялась. Знахарка ничего не говорила о том, когда к Пламени можно допускать родных.

– Обождём ещё для верности, пусть на ноги встанет сперва. Будь при нём, Радуга с Яблонькой без тебя управятся.

Зара вернулась с большой кружкой тёплого молока. Пламень, ожидавший обильной трапезы, разочарованно протянул:

– Это всё?

– Тебе пока много нельзя. Позже похлёбку принесу.

Подложив подушки мужу под спину, она поднесла кружку к его губам. Пламень жадно глотнул и поперхнулся.

– Пей не спеша, никто не отнимет.

Он послушался. Но не выпил и половины, как покрывшись испариной и отстранил кружку.

– Устал. Убери, – проговорил одышливо, будто только разогнулся от тяжёлой работы. Стал разглядывать Зару, словно видел впервые: – Ты всё это время ходила за мной?

– Что ж такого? Я ведь твоя жена, – ответила и глаза в пол опустила. Знал бы он, отчего хворал, не так бы сейчас говорил.

Но Пламень и сам смутился, спросил о другом:

– Что слышно? Война не началась ещё?

– Ох, Свет-заступник, тихо пока. Слава Святозарам, что берегут нас от чудища заградского.

– От какого чудища?

– Ясно от какого, от власта-вероотступника.

– Почему он чудище?

– А кем же ему быть? Кто в том Загрядье жить бы смог?

Пламень рассмеялся было, да зашёлся кашлем. Как отдышался, проговорил сквозь выступившие слёзы:

– Он обычный человек, и жена его – сестра родная нашей власти Иволги. И все люди в Загрядье обычные.

Зара в изумлении руками всплеснула:

– Чего же обычным людям в скверных землях жить?

– Бежали они туда. Кто от дознавателей, кто от доли невыносимой. Жизни свои спасали.

– Значит, не такие и обычные. Чего чистому человеку дознавателей бояться?

– Того, что сначала огню предадут, а после разбираться будут, чист он или грешен.

– Всё одно, обычный человек через Гряду не сможет перебраться.

– Так в Загрядье морем попасть можно. Только от берега подальше отойти надо, чтоб в кипящие воды не попасть.

– Отчего же они кипящие?

– От огня, что в ущельях Гряды бушует и воды морские греет. Зато от его жара в Загрядье зимы никогда не бывает, хоть и на севере оно.

Зара ахнула. Матушка рассказывала, что Вириная сотворила Гряду, когда в гневе разверзла недра земные. Из них расплавленное железо вырвалось. Падшая хотела, чтобы раскалённой волной смыло всех людей, да остальные Святозары вовремя подоспели, запечатали недра, а железо, что из них хлынуло, так и застыло, в Гряду превратившись. И поднялось за ней дно морское. Так появились земли, которых ранее не было, и назвали их Загрядьем. Но матушка всегда называла Загрядье проклятым и никогда о нём не сказывала. Зара напустилась на мужа с расспросами:

– Как же там живут? Какую одежду носят? Чего на полях растят? Видать, по два урожая снимают, раз зимы у них нет.

Пламень усмехнулся:

– Вот уж не ожидал в тебе такую страсть по Загрядью встретить. Расскажу, что знаю, я с их купцами на ярмарках в Приморье встречался. Только вздремну сперва.

И уснул, едва проговорил. Зара тихо вышла из комнаты и отправилась помогать Радуге, чтобы не томиться в ожидании сказания.

Похлёбка давно поспела, а Пламень всё спал. Зара то и дело заглядывала в комнату, ожидая его пробуждения. Наконец, когда уже начало смеркаться, он зашевелился. Зара покрошила в миску с варевом горбушку свежего хлеба, налила горячего сбитня в кружку и отправилась кормить мужа.

Пламень заметно окреп и уже сам доносил ложку до рта. Зара ёрзала от нетерпения, наблюдая, как медленно он жуёт. Наконец с обедом было покончено. Она отнесла посуду и тут же вернулась в комнату. Присела на краешек кровати, посмотрела выжидательно.

– Что? – не понял её взгляда Пламень. – А-а, ждёшь баек про Загрядье?

Зара закивала часто-часто, отчего оборка чепца затрепыхалась, словно крыло бабочки. Пламень рассмеялся, видимо, посчитал это забавным, но тут же принял серьёзный вид:

– Вообще-то, купцы заградские врут много, забавляются так: наплетут небылиц, а потом гогочут, глядя, как ты глаза от удивления выпучил. Но кое о чём схоже сказывают. Заградье – чудной край. Потому как он со дна морского появился, всё на нём вид подводный имеет. Трава, кусты, деревья – всё водоросли. Одни по стенам и крышам вьются, другие в небо устремляются и змеями на ветру полощутся. А птицы у них от рыб пошли. И которые покрупнее, те с зубами. Р-р-р...

Пламень оскалился, Зара взвизгнула и расхохоталась:

– Напугал! А дальше, дальше что?

– Лошади у них огромные, с полдома, и о восьми ногах. Только в Приморье их не привозят, хотя за такую диковину хорошую цену дали бы.

– Почему не привозят?

– А те, волны морские увидев, будто вспоминают, откуда вышли, да удрать норовят. Если же их привязать, то корабль качать принимаются. Поди справься с такой громадиной! А ещё чудно, что улицы там водным камнем мостят. Он прозрачный, как стекло, только чище, а тронь его – так звенит. Поэтому все заградцы набивают подковки на каблуки, гуляют себе или по делу ходят, а по улицам перезвон стоит. Даже дома из этого камня строят.

– Прозрачные?!

– Ну да.

– Срам-то какой! И бани у них прозрачные?

– Про бани не знаю. Может, из дерева их складывают.

Зара готова была слушать до утра, забыв о времени, но по улице зацокали копыта, скрипнули ворота, и со двора донёсся голос Стужи.

– Матушка вернулась. Потом остальное. Сейчас поди скажи ей, чтоб велела баню истопить.

Узнав, что сын окреп настолько, что захотел попариться, Стужа запричитала и, прежде чем распорядиться о бане, метнулась в поклонную. Зара надеялась, что Пламени отец или брат помогут помыться, но свекровь сунула ей в руки чистое бельё и велела идти с мужем.

Зара огнём пылала, воображая, что увидит наготу Пламеня, когда он в здравом рассудке, да ещё придётся самой раздеться при нём. Но он смутился не меньше, чем она, и отправился в парную в исподних портках. Зара тоже не стала снимать рубаху.

Пламень дал промыть себе волосы, натереть спину и плечи, после же отобрал мочало.

– Иди, дальше я сам.

Спорить Зара не стала.

Из бани вернулись, когда семья принялась за ужин. Пламень сел за стол со всеми и подцепил ножом здоровый кусок пареной телятины.

– Значит, дело на поправку идёт, – усмехнулся Буран.

Зара же ждала, когда закончится ужин, они с мужем вернутся к себе в опочивальню, и он продолжит историю о чудесном Заградье. Но после бани и обильной еды Пламеня разморило, и он уснул, едва опустившись на постель. Зара хотела было устроиться на сундуке, но одумалась – не для того она ездила к знахарке, чтобы и дальше жить порознь с мужем. И легла с ним рядом.

Ночью она проснулась оттого, что Пламень трогал её грудь через ткань рубахи. От прикосновений делалось стыдно и приятно одновременно. Почувяв, что жена не спит, он отдернул руку. Зара поняла, что это и есть то самое, чего все так ждут от них, и повернулась к мужу:

– Я твоя жена.

Легла на спину и вытянулась стрункой, как учила её матушка.

Пламень замер. Зара боялась, что он отвернётся и снова уснёт. Может, приворот Горлинки настолько силён, что снадобье знахарки не способно изгнать его до конца. Или сама

ведьма так хороша, что никакая женщина ей не соперница. Тусклый свет ночной лампы неровными всполохами выхватывал из тени лицо Пламеня, но Зара не смела посмотреть на него, опасаясь встретить презрение, и только слушала прерывистое хриплое дыхание. Она смутно представляла, как происходит близость между супругами. Матушка никогда при ней не делила ложе с отцом. Конечно, она не раз видела, как это было у собак и коз – так они твари неразумные, опаление над ними не творили, у людей всё иначе.

Пламень рывком натянул одеяло, укрыв их обоих с головами. В душной темноте суетливо задрал рубаху на жене, путаясь в складках ткани. Потом завалился сверху, развёл её ноги и долго возился, пристраивался. Боль оказалась вполне терпимой, с поркой от отца и не сравнить, Зара даже губы не кусала, пока муж дёргался на ней и стонал, а затем замер с негромким вскриком. Ему, видать, тоже было больно.

Пламень наконец откатился и скинул одеяло. Зара решилась взглянуть на мужа: по лицу и шее струился пот, рубаха вымокла, но он довольно улыбался. И вдруг сказал:

– Давай ещё!

Утром Зара сняла с постели простыню с кровавым пятном и понесла застирывать. Мимо свекрови проскочить не получилось. Однако Стужа, поняв, в чём дело, в порыве радости прижала невестку к груди:

– Теперь и внуков ждать недолго, и дознавателей можно не страшиться.

Глава 7. Пламень

Вперёд дознавателей в Трихолмку пожаловали сборщики податей вместе с дружиной подвласта. Поборы выросли чуть не в пять раз – новая война требовала нового обмундирования, экипировки, вооружения и кораблей. И на этот раз откупиться не выходило, дружинники уводили с каждого двора хотя бы одного молодого мужчину, а если таких не имелось, то забирали лошадей.

Борщевикам пришлось отдать в войско вместо сыновей трёх работников. Буран сидел за книгами, подсчитывал убытки и свирепел, представляя, сколько ещё придётся потерять.

– Цитадель войну затеяла, а выжимают с нас.

Пламень, услышав от отца такие речи, воодушевился:

– Батюшка, а не нужно им платить. Пока войско слабо, надо народу объединиться да изгнать Судию с его свитой, как это в Загрядье сделали.

Буран устало отмахнулся:

– Уйди с глаз, не доводи до греха. На этот раз пугать не буду, сразу зашибу. Послал же Создатель недоумка в сыновья!

– Отец, я не дитё давно. Послушай меня хоть раз! Ты по чужой указке живёшь, ничего вокруг не видишь...

– Во-он из дома!

От бурановского рыка зазвенели стёкла в окнах, а эхо вторило ему из пустых комнат. Пламень вскочил, опрокинув лавку, и выбежал из трапезной. Буран бросил Заре:

– Иди за ним, пока не натворил чего.

Пламеня она застала за сборами.

– Куда ты?

– Уйду из дома, раз отец велит. Сбегу в Загрядье. Лодку найду и уплыву. А нет – так перейду Гряду, как Несущий Истину.

– Батюшка сгоряча так сказал, он остынет...

– Только мальцом неразумным считать меня не перестанет. Всё одно уйду. Хватит!

– А я как же?

– Ты?.. – Пламень растерялся. – Я и не подумал... Нельзя тебе тут оставаться, сожгут ведь как жену вероотступника. И со мной нельзя – пропадёшь в пути.

– Куда же мне деваться?

Пламень со вздохом отбросил собранные вещи:

– Обожду уходить, сперва придумаю, где тебя спрятать.

Зара не хотела прятаться. Семейная жизнь только пошла на лад – и вот уже готова рассыпаться прахом из-за какой-то нелепицы. Если Пламень уйдёт, всё станет куда хуже, чем было прежде. Может, даже хуже, чем выпало Капели, ведь неверная жена предаёт семью, а вероотступники – самого Создателя и Святозаров. За такое не изгоняют, а сжигают. И почему-то горше всего сделалось от того, что больше не расскажет ей муж чудесных баек. Зара заплакала от бессилия:

– Что тебе в том Загрядье? Неужто прозрачные дома да звенящие мостовые дорожке всего остального? Может, и нет там ничего, всё купцы придумали.

Пламень растерялся, увидев неожиданные слёзы жены.

– Ты чего? Перестань! – Выглянул за дверь, чтобы убедиться, не слушает ли кто, затворил поплотнее и зашептал Заре в ухо через чепец: – Я не на водный камень смотреть там хочу, а истинную веру принять.

– Веру лжепророка?

– Несущий Истину – настоящий пророк. А вероотступники – это Отцы Цитадели. Они переврали слова Святогласа и создали ложное учение. Святоглас не велел никого сжигать. Он наставлял людей, чтобы лучше становились, потому что скоро возродится Виринея в образе человека, а как обретёт былое могущество, то соберутся все двенадцать вместе и станут суд вершить.

Зара ахнула. Пламень умом повредился, не иначе. Если кто донесёт дознавателям его речи, то за них не просто сожгут, а как лжепророка на куски изрубят. А муж продолжал, не замечая её испуга:

– Судия с дознавателями хотят этому помешать, потому как их и покарают Святозары в первую очередь. За то, что лгали о деяниях Виринеи. Она гневалась не оттого, что пожалела созданную красоту для людей. Это люди отвергли всё прекрасное и предпочли в навоз зарыться. Виринея просила их одуматься, вспомнить природу свою, а не уподобляться тварям неразумным, что живут лишь для ублажения своего чрева. Она расцветивала небеса чудесным сиянием, а Заккари играл такую дивную музыку, что даже соловьи стыдливо смолкали. Но люди только сетовали, что своими представлениями Святозары отвлекают их от работы, и просили плодородных земель под поля и скотины мясной да молочной. Виринея поняла, что никому не нужны чудеса, и тогда заключила их в камни и спрятала в глубокой пещере в Дивнодолье. Оно тогда не разделялось морем с остальными землями.

Зара забыла о страхе и слушала, заворожённая. О таком матушка ей не сказывала. Получалось, что не Виринея отвернулась от рода человеческого, а люди сами пренебрегли её дарами. Новая сторона известной с младенчества истории взволновала, возродила в памяти греховное детское несогласие с догмами, уже давно забытое, заглушённое, выбитое отцом.

– Отчего же разгневалась она? – прошептала Зара.

– К тому времени много поколений людей сменилось. Никто из них уже и не помнил о дарах. Только видели они, что Святозары не стареют и не умирают. И решили люди завладеть тайной бессмертия. Пошли они в Дивнодолье и нашли пещеру с тысячами кристаллов. Думая, что в них заключено бессмертие, люди принялись разбивать камни и уничтожать дива. Виринея, увидев разграбленную сокровищницу, предалась ярости и чуть не уничтожила всех живущих.

– Ох, если так всё и было, то понятно, отчего она разозлилась на людей.

Пламень, видя интерес в глазах жены, зарделся. Впервые кто-то воспринимал его слова всерьёз.

– Так и было. Теперь ты понимаешь, почему мне надо в Загрядье? Не могу я больше под ложью Цитадели жить.

«Раньше мог, а сейчас даже потерпеть немного не может», – но видя, как распалился муж, перечить ему не стала, да и заботило её сейчас другое:

– Где же мне прятаться, пока ты за правду радеть будешь? И вернёшься ли?

– Вернусь, можешь не сомневаться. И истинное учение в Кольцегорье принесу. А прятаться... Не знаю. Надо у Горлинки помощи попросить.

– У ведьмы?! – выкрикнула она. – Как ты говорить такое можешь!

– Тише, глупая, отец услышит! – Пламень прижал к себе жену, чтоб не заголосила. – Ты же не знаешь ничего...

– И знать не хочу! Не смей больше поминать её!

Но Пламень уже не думал о Горлинке. В руках он сжимал тёплую и дрожащую Зару. Стягивая рубаху с её груди, пробормотал:

– Торопиться некуда, после обдумаем. Может, и бежать не придётся...

О ведьме Пламень больше не заговаривал. Да и о побеге упоминал редко. Кажется, он теперь был вполне счастлив тем, что мог делиться с Зарой своими тайнами. Она жадно ловила

каждое слово и смотрела на мужа с обожанием. Очередная история заканчивалась супружеской близостью, Пламень наслаждался телом жены и смирялся с необходимостью жить под ложью Цитадели.

В день, когда первый снег укрыл землю, Радуга родила сына. Стужа, взяв на руки внука, с укором посмотрела на Зару:

– Когда же ты понесёшь? Уж две луны милуетесь, а всё пустая.

– Не ворчи, мать, – вступился за невестку Буран, – девка только в сок вошла, дай время, и затяжелеет.

Зара и вправду за осень округлилась, раздалась в бёдрах, под рубахой обозначилась грудь.

Младенца нарекли Покровом. Ждали, пока он чуть окрепнет, чтобы отвезти в Огневицу Междуреченки и засвидетельствовать имя перед Святозарами, но к солнцевороту в Трихолмку пожаловали дознаватели с карателями и новым наставником. Обрадовавшись, что ехать никуда не надо, родители отнесли Покрова в деревенскую Огневицу, где Паводок показал его изваяниям Ферула, Савия и Артовия, а Радуга поклонилась Сони, Леви и Тринии, испросив для дитя защиты и для себя мудрости в его воспитании.

Дознаватели, как только устроились на постой в доме наставника, взялись за расследование проклятия трихолмской Огневицы. Искали скверных духом и причастных к колдовству. Первым делом посетили Горлинку. Любопытные деревенские наблюдали в отдалении, ожидая, как каратели вытащат ведьму из дома и поведут на костёр. Однако дознаватели вышли одни, растерянно пожимали плечами, качали головами под чёрными капюшонами, полностью скрывающими лица, и после знахарку больше не беспокоили.

Но ведьм и помимо неё нашли. Одному чахлому и вечно кашляющему мальцу мать призывала к груди мешочек с горячей солью и травами. Женщина уверяла, что это средство от хвори, так лечили всех детей в её семье. Но как она ни старалась обмануть дознавателей, под пытками признала вину. Другая же девица, жениха которой недавно забрали в войско, хранила в тряпице деревянный гребень и ветки сухой травы. Несчастливая клялась на светочке, что так хранила память о любимом, но и простаку было ясно – это колдовской оберег.

В дом Борщевиков тоже пожаловали. Зара впервые видела Отцов так близко. Полностью скрытые под чёрными одеяниями, они и на людей-то не походили. В узких прорезях капюшонов поблёскивали их цепкие глаза. Зара оробела и спряталась за плечо Пламени, но Стужа тут же дёрнула её за юбку и зашипела в ухо:

– Стой прямо, безгрешным нечего бояться.

Никаких свидетельств отступничества от веры не нашли. Впрочем, после признания Бурана в том, что две подводы из каждой дюжины он отправляет в Цитадель и даже бумаги с печатью в доказательство имеет, дознаватели не особо тщательно искали.

После досмотра деревни и суда над ведьмами дознаватели развели на площади Карающий Огонь, казнили виновных и покинули Трихолмку. Пламень облегчённо выдохнул, расслабился и повеселел. Вечером же вновь заговорил о побеге:

– Из Загрядья этих коршунов давно изгнали. Там не нужно бояться, что тебя за неосторожное слово казнят. Но, знаешь, ещё пуще, чем в Загрядье, я хочу за Пояс к детям Виринеи попасть.

– К каким таким детям? – Прежде Зара ни о чём таком не слыхала.

– К синим. Когда люди отвернулись от святозарных даров, Виринея разочаровалась в роде человеческом и создала острова в южных морях, на которых поселила новый народ – четырёхруких людей с синей кожей, и отделила те острова от остального мира неприступной стеной скал. Но после того как мятежницу скинули в Бездну, остальные Святозары решили известить её детей. Убить их не решились, сделали только так, что стали у синих рождаться одни

мужчины. Для того, чтобы сохранить свой род, перелетают они на крылатых змеях преграду посреди моря и уносят к себе человеческих девиц и женщин.

– Ох, как же Свет такое лихое действо допускает?

– Так они не всех подряд крадут, а только тех, кого люди сами изгнали. Таких, как Капель.

«Так вот, значит, куда ведьма Капель свезла», – похолодела Зара от догадки. Но вслух говорить не стала, лишь спросила:

– Откуда же ты это знаешь? Неужели в Приморье о том говорят?

Пламень смутился, ответил уклончиво:

– И в Приморье тоже.

«Видать, этими байками Горлинка его покоя и лишила. Где же она побывать успела перед тем, как в Трихолмку вернуться?»

Беременность так и не наступала. Стужа всё чаще раздражалась и бранила младшую невестку за любой пустяк. Зара каждую луну со страхом ждала приближения регул, молила Сонию о ребёнке и Левию о защите от печальной участи Капели. После рассказа Пламеня о синих людях, крадущих женщин, судьба отвергнутых жён казалась Заре ещё более ужасной. Она и сама начала подумывать о том, как бы скрыться с мужем в Загрядье.

Перед постом к празднику весеннего равноденствия мужчины засобирались в Приморье на ярмарку. Надеясь на такую же добрую торговлю, какая выпала в приезд Судии, Буран отправил в столицу вдвое больше гружёных подвод против обычного.

Пламень думал сговориться с загрядскими купцами и заручиться их помощью в побеге. Зара, услышав о его планах, залилась слезами. Пламень и сам не хотел оставлять жену, потому поклялся на светоча, что только узнает, как переправиться в Загрядье, но без Зары не уплывёт.

Вернулись торговцы раньше, чем планировали, с непроданным товаром. Буран даже в баню с дороги не пошёл, сел за стол в трапезной и обхватил голову руками. Притихшая Стужа поставила перед ним похлёбку. Он отодвинул миску и велел принести вина покрепче. Выпил одну за другой две полных чаши, вытер усы рукавом и заговорил глухо:

– На въезде в Приморье из каждой дюжины подвод по пять забрали. Теперь не только Цитадель кормим, но и войско с флотилией. В столицу сброду понабежало, ничего не покупают, только караулят, как бы умыкнуть добро или кошель срезать. А дружина властова и того хуже. Берут всё, что глаз приметит. Платить, правда, забывают. А как мы обратно засобирались, предложили весь товар за бесценок скупить. Да я бы лучше псам отдал, чем этому вороныю. Хотели в Перепутье в ряды встать, да там прохода от таких, как мы, нет. И тоже никто не покупает.

Пламень же, оставшись наедине с женой, шептал ей в ухо:

– Загрядских не допускают больше до ярмарки. Не только в Приморье, но и в других властвах. Думают заморить их голодом, чтобы без войны Цитадели сдались. Оно понятно: что на дне морском, кроме земляного ореха, может вырасти? А в Приморье к побережью не подступиться – одни верфи властовы, корабли для нападения строят. Да и выручить ничего не удалось, не на что лодку взять.

Зара облегчённо вздохнула и про себя поблагодарила Святозаров за то, что отвернули мужа от шальных замыслов.

Незадолго до весеннего равноденствия Стужа стала пристально поглядывать на Зару. Свекровь даже придирки оставила. Загадка вскоре разрешилась. Поймав невестку в чулане, Стужа спросила:

– Ты чего тут? Репы мочёной захотела?

- Почему репы? Нет, я за солью, в кухне кончилась.
- Не мутит тебя? Мухи не мелькают в глазах? Или по-другому как вдруг неможется?
- Я здорова. Только не пойму, к чему вы спрашиваете?
- Вот же тугодумная! Когда ты тряпки в последний раз брала?

Зара застыла с бочонком соли в руках, пытаясь вспомнить. Получалось, что регулы должны были начаться пол-луны назад. Она так боялась, что Пламень вновь заговорит о побеге, что и думать забыла о возможной беременности. Но если верна догадка Стужи, то и бежать в Загрядье нет никакой надобности.

Свекровь отобрала у Зары бочонок, сказала внезапно ласково:

- Не тягай тяжёлого.

О беременности Зара мужу говорить не стала, решила сперва убедиться, что они со Стужей не ошиблись. Пламень после поездки в столицу и так ходил мрачный, Заре не хотелось разочаровать его напрасной надеждой.

Пост подходил к концу, и в Трихолмке готовились к празднику равноденствия. На площади уже расставили столы для угощения, в центре построили возвышение для изваяний Святозаров. Однако вместо обычной светлой радости, которая сама собой появлялась с приходом весны, жителей деревни охватило тяжкое ожидание смутных времён.

Борщевики, несмотря на упадок в делах, готовились отмечать пышно. Пол в доме выскоблили до светлого дерева, стёкла в окнах натёрли до блеска, а в кухне клубились пары от стряпни. В разгар работ с мельницы вернулся Буран и, усмехаясь в бороду, потряс исписанным листком бумаги.

– Зной, товарищ мой, весточку прислал. Ох и чуистый он по торговому делу! Добрую пасеку держит. А как к войне пошло, открыл он трактир в Перепутье, а за ним – второй и третий. Смекнул, как худые времена наступят да нечем будет семьи кормить, мужик последние гроши за медовую брагу отдаст. Теперь товарищ просит моего содействия в одном щепетильном вопросе. Завтра прибудет он вместе с сыном. А сынок у него хорош, хваткой в отца пошёл. И женить его пора. Думаю, едут они на сговор. Вот такого мужа я для Яблоньки всегда желал.

Яблонька раздумянилась, засветилась вся. Стужа ушипнула дочь за щёку:

- Чего ж ты растерялась? Беги наряды готовь!

Зной с сыном приехал накануне равноденствия и сразу приступил к делу:

– Полюбилась Ручью девица из вашей деревни, Смородинка, Папоротникова дочка. Отца я не знаю, вот и пришёл к тебе за помощью, замолви слово. Так понимаю, от невесты отказа не будет, они уж сговориться успели.

Буран посерел лицом, но вида не подал, лишь махнул Стуже, чтобы увела Яблоньку. А товарищ продолжал, вроде как ничего не замечая:

– Вот как сложилось-то. Признаться, хотел я к лету с тобой этот сговор вести, дочь твою для сына просить, да куда же против его охоты. Но в долгу не останусь, если посодействуешь. Трактиры ведь не на одном вине, к столу и харчи требуются. Так чего мне у чужих скупаться, когда с тобой можем дела вести?

Торговец в Буране возобладал над отцом. Ударив со Зноем по рукам, они ушли к Папоротникам. После удачного сговора гости сразу уехали: трактиры сулили принести добрую выручку в праздник.

До рассвета деревенские потянулись к Огневице. Ждали появления наставника, чтобы с молитвой встретить восход и приступить к гуляниям. Огневой Отец вышел с опозданием и не из врат храма, а из-за угла. Руки его тряслись, слабый голос дрожал, взгляд дико блуждал по сторонам. Из передних рядов послышался ропот, что наставник пьян. Кое-как прочитав

молитвы, он поспешил скрыться. Такое поведение мало кого удивило. Уже много лет с наставниками в Трихолмке творилось необъяснимое.

Стужа кликнула дочь и невесток, чтобы несли из дома угощение на общие столы. Отдав должное Святозарам, народ отправился набивать животы и веселить себя вином.

Гуляние выдалось унылым. Тяжкие мысли о грядущей войне затмевали радость, даже музыка звучала глухо и печально. Пламень налёг на брагу и быстро захмелел. Заре пришлось держать его под локоть, чтобы того гляди не упал. Но унять буйный настрой Пламеня молодая жена была не в силах. Он задирался с каждым за любой косой взгляд или небрежное приветствие, пока не схватился с таким же хмельным соседом. Зара оттягивала мужа, пыталась образумить и увести домой, как за спиной раздался голос, при звуках которого Пламень стих:

– Совсем ты забыл меня, братец. Больше не навещаешь. Или я тебя чем обидела?

Зара обернулась. Горлинка улыбаясь протягивала Пламеню чашу с брагой:

– Давай же выпьем в знак старой дружбы!

Пламень, как заговорённый, потянулся к чаше.

– Не пей! – Зара вцепилась мужу в руку.

– Чего ты боишься, Зарница Полынь? Я его не отравлю, дорог он мне очень, – насмеялась ведьма.

– А-а, чего от глупой бабы ждать, – бесшабашно гоготнул Пламень, принял чашу из рук Горлинки и осушил одним глотком.

Ведьма ушла. Пламень, забыв про жену, побрёл домой. Зара поспешила следом, но догнала мужа только у ворот. Он не оборачивался, как она ни просила обождать её.

Пламень, точно запертый зверь, мерил шагами опочивальню, метался от двери к окну и обратно. Зара оставила всякие попытки отвлечь мужа ласками и разговорами, присела на край кровати и тревожно наблюдала за его помешательством. Пламень вдруг застыл на месте. Пробормотал непонятно о чём:

– Так что ж с того... Надо, непременно пойти надо...

– Куда?! – встrepенулась Зара. – К ведьме? Не ходи, Светом заклинаю. У нас... Дитё у нас будет!

Пламень наконец посмотрел на жену. Усмехнулся зло:

– Нашла время!

И вышел вон. Во дворе заржал конь и застучали копыта.

До вечера Зара проплакала, закрывшись в опочивальне. Как стемнело, вернулись Буран со Стужей. В трапезной Радуга загремела посудой, накрывая на стол. Зара оправила одёжу, спустила пониже оборку чепца и вышла помогать. Но не успели рассестись, как в дом вбежала Яблонька и со смехом принялась рассказывать:

– Я к Смородинке ходила, чтобы со стговором поздравить. А у них цыплёнок о четырёх лапах вылупился. Они скрыть хотели, да я такой крик на полдеревни подняла, что теперь придётся им весь курятник вырезать.

Буран собрался было осадить дочь, как в трапезную, не сняв грязных башмаков, влетел работник:

– Хозяин, пёстрая корова бычка о двух головах родила!

– Молчи! – вскочил с места Буран. – В долгу не останусь, только молчи!

Тут в ворота заколотили. За ударами послышались крики:

– Буран! Стужа! Пламень убился! В овраге со свёрнутой шеей лежит.

Глава 8. Вдова

Покойных провожали с высокого, открытого всем ветрам берега Серебрянки. Снег на круче уже растаял, поленья для костра сложили на жухлой прошлогодней траве. Пламень покоился сверху. На его лице застыло изумление, будто он и в смерти удивлялся нелепой причине своей гибели.

Стужа с надрывными воплями бросалась на поленницу к сыну. Буран с Паводком с трудом удерживали обезумевшую от горя мать. Зара же стояла с сухими глазами. С тех пор, как она увидела на дне оврага мужа с неестественно вывернутой головой и коня, что сбросил хмельного седока, а после равнодушно щипал нежные стрелки ранней травы на проталинах, внутри будто всё выгорело, не осталось ни слёз, ни слов. Если бы Брюква не поддерживала дочь за плечи, Зара опустилась бы на землю там, где стояла, да так и лежала бы.

Ждали наставника со светочем из Огневицы, чтобы зажечь поленницу. Но Огненный Отец не торопился. Уже рассвело, когда на тропе под кручей замелькали среди деревьев чёрно-красные одеяния Сестёр и оранжевые – служек, ведущих под руки шатающегося наставника. Тот снова был пьян, в грязной, некогда красной обрядовой рубахе. Кое-как прочитав отходную молитву, он подпалил от светоча пучок сухих веток и кинул их в поленницу. Просмолённое дерево задымило с треском.

Костёр жгли до ночи, подкладывали новые поленья и подливали масла, пока кости Пламеня не превратились в прах, уносимый ветром. К утру от мужа Зары осталась горстка пепла. Скорбящие родственники разбрелись по домам. Борщевиков ждала телега. Брюква чуть не волоком подтащила к ней отрешённую от всего происходящего Зару и с мольбой посмотрела на Бурана:

– Верни мне дочку. Вам-то она теперь без надобности, только лишний рот кормить.

Буран оставил заунывно стонущую Стужу на Паводка, отошёл к Брюкве и тихо проговорил:

– Жена сказала, тяжёлая она. Место матери Борщевика в доме мужа. Хоть и нет больше Пламеня, а от крови своей я не откажусь.

В доме стало тихо. Смолкли разговоры. Ходить, убирать и готовить тоже старались бесшумно, будто звук шагов или скрип двери могли заставить горе каждого выплеснуться наружу и умножить общую скорбь. Даже дети оставили забавы и капризы и, подражая взрослым, смиренно сидели с неподвижными лицами.

Зара не находила себе места. В опочивальне ей чудились тени, всё казалось, что Пламень по-прежнему рядом, в любой миг подойдёт и прошепчет на ухо одну из баек. Она пыталась занять себя работой, но от присутствия людей становилось невмочь, даже чуткая забота Радуги не утешала, и Зара вновь закрывалась наедине с призраком. Если бы дитя в её животе уже толкалось, то она бы легче пережила потерю. Но ребёнок был слишком мал, Зара не чувствовала его.

На третье утро после сожжения она проснулась в мокрой постели. На рубахе и простыне темнели пятна крови. Регулы пришли с запозданием, дав всем напрасную надежду. Зара собрала грязное бельё. О том, как сказать Стуже, что она напрасно ждала внука, даже думать не хотелось.

Однако говорить ничего не пришлось. Закончив со стиркой, Зара отправилась на кухню топить печь и готовить завтрак. Свекровь вошла следом:

– Не прикасайся к еде! Я не приму пищу из рук убийцы сына. Тебя терпели ради ребёнка, но раз ты пустая, твоё место в хлеву со свиньями.

Зара остолбенела. Она ожидала брани за обманную беременность, но никак не упрёков в гибели Пламени. Она залепетала оправдания сбиваясь:

– Я не... Как убийцы? Неужто...

– А кто к ведьме ездил? Ещё тогда задумала сына извести, да Свет уберёг. Но ты, змея, всё одно его прикончила!

– Вы же сами меня к ведьме отправили!

Возмущение несправедливостью придало смелости, Зарница выкрикнула обвинение в лицо свекрови. Стужа побледнела, прошипела зло:

– Как твой поганый язык поворачивается напраслину наводить? Вон из дома!

Зара кинулась собирать вещи, но свекровь нагнала её на пороге:

– Не вздумай к родителям бежать! Ты мне за всё ответишь, ведьмовка! Пошла в хлев, иначе сдам вас с матерью дознавателям!

Услышав о матушке, Зара сникла и покорно последовала за Стужей. В свинарнике рыхлая девка чистила стойла. Свекровь кликнула её:

– Роса, хватит тебе в дерьме возиться, для этого более подходящая работница имеется. – Подтолкнув невестку в спину, Стужа добавила: – И смотри, чтоб эта гадина не отлынивала.

Роса довольно хмыкнула – какая батрачка откажется поглумиться над хозяйской невесткой, да ещё и понукать её – и передала лопату новой работнице.

Убирать в хлеву Заре было не привыкать, только душила обида от несправедливости и ложных обвинений. Да и за матушку боязно сделалось. Ещё Роса забавлялась тем, что приводила других девок посмотреть, как хозяйка копается в навозе.

Как Борщевики разъехались по делам, в свинарник прибежала Радуга.

– Поесть тебе принесла. Матушка Яблоньку в помощь мне оставила, а скорее, чтоб следила, как бы ты в дом не вошла.

Роса при Радуге насмеяться не решилась и ушла. Зара дала волю слезам:

– За что она так со мной? Пламени ведьма опоила, он к ней поехал, а виноватят меня. Она, бесстыжая, ещё братцем его называла, будто думала, что кто-то обманется.

Радуга вытерла Зарины слёзы:

– Так он и был ей братом.

– Как?!

– А так. Об этом вслух не говорят, Бурана бояться, только погибший брат его – отец Горлинки. Это с ним её мать спуталась и понесла. Старуха знахарка ещё жива была, она как узнала, заставила его на светочке поклясться, что опалится с воспитанницей. Только отец его по-своему решил: быстро нашёл сыну невесту и устроил свадьбу. Вся семья Борщевиков в Огневице собралась, только Буран с Паводком дома остались: Стуже рожать в тот день вздумалось. Народу уйма на опаление поглазеть пришла, все в храме не поместились, у врат наблюдали. Как молодых над огнём носить стали, появилась старуха. Носилки с женихом и невестой вдруг вспыхнули, а врата сами собой захлопнулись. Люд снаружи их выбить пытался, да какой там. Внутри кричат, стонут заживо горящие. Вскоре вся Огневица занялась и полыхала три дня, пока камень в пыль не обратился. Старуху с той поры не видал никто. Буран младенца назвал Пламенем. Только они из Борщевиков тогда и выжили. О том все помнят, хоть и не говорят. И станет ли Стужа против ведьмы, после страшного суда её бабки, чего замышлять?

Зара молчала, поражённая. Никогда она не слышала от матушки, отчего легло проклятие на Огневицу Трихолмки. Куда уж бедной Зарнице Полыни с такой колдовской силищей тягаться.

– Значит, пропадать мне теперь, никто не вступится, никто не поможет.

– погоди отчаиваться. Поговаривают, что в войско всех мужчин со двора стали брать, кроме одного хозяина. Вот мы с Паводком думаем перебраться в новый дом поскорее. А там упрощу матушку тебя мне в помощь отправить.

На ночь в дом Зару не пустили. Свекровь выбросила за порог узелок с вещами невестки и проворчала:

– Где это видано, чтобы под одной крышей с убийцей спать? Всю семью во сне порешишь. Ступай к работницам, если пустят к себе, или на сеновал.

В пристройку к батрачкам Зара и проситься не стала. Ей хватило насмешек Росы днём, чтобы ещё ночью их сносить.

Разворошив стылое сено, Зара зарылась в него и пыталась согреться. Щели в стенах сарая не давали задержаться теплу внутри. Ближе к ночи, когда погас свет в окнах дома, прибежала Радуга, принесла старый тулуп и одеяло. Достала из-за пазухи мешочек с орехами и кусок хлеба.

– Всё, что найти удалось. Яблонька пожаловалась матери, что я тебе еду носила. Стужа теперь продукты закрывать стала. Ну да завтра умнее буду, сразу с завтрака припрячу. Муж отцу о переезде сказал, через пол-луны последние работы закончат, и начнём перебираться. Матушке о тебе ещё не говорила, зла она, пусть сперва остынет.

Стужа и через пол-луны не растеряла ненависти к вдове сына. На просьбу Радуги ответила резким отказом и велела брать с собой работниц в помощь.

Дошли слухи о Зариной беде и до Брюквы. Она отправилась к Борщевикам снова просить вернуть дочь, на что Буран ей ответил:

– Отчего ж не вернуть? Только в родительский дом она пойдёт, как и полагается за её деяния, голая, измазанная в навозе и битая камнями. А если выживет после этого, то сдам её дознавателям. Думаешь, не знаю, что вы с Зарницей в Логовицу к ведьме ездили, чтобы сына известить? Мне жена сказала о том.

Брюква отступилась и больше о Заре не просила. А после того, как Радуга покинула дом, жить стало вовсе невмоготу. Стужа науськивала работниц, чтобы те травили невестку, не пускали за общий стол. Поесть Заре теперь выпадало редко, да и довольствоваться приходилось тем, что оставалось от свиней. Ко всем напастям повадилась ещё и Горлинка ходить мимо скотного двора Борщевиков. Ведьма изменилась, больше не насмешничала, часто на её лице Зара замечала следы слёз, но смотрела Горлинка на несчастную вдову с ненавистью. Видать, и вправду любила Пламеня, а теперь винила Зару в его гибели.

Однажды Горлинка остановилась поодаль, укрылась в тени ветвей ивы. Заре показалось, будто ведьма кого-то ждёт. Вскоре, таясь по кустам, к иве прокралась Яблонька. Они с ведьмой долго о чём-то шептались, а после также тихо разошлись. Зара наблюдала за заговорщицами, затаившись за углом свинарника. Надо бы сказать Стуже о том, что её дочь якшается с Горлинкой. Только Яблонька от всего откажется, да ещё невестку в клевете обвинит. «Пусть сами разбираются, мне и без них бед хватает». Однако на ночлег Зара устроилась в укромном углу сарая, а на прежнем месте оставила тулуп, набитый сеном. Но ночью её никто не потревожил.

В начале лета в Трихолмке появился скорняк. Уже более десяти витков по кожевенным делам приходилось ездить в Перепутье или соседние деревни. Старый мастер помер, оставив после себя малолетнего сына, Тумана, необученного ремеслу. Вдова скорняка взяла все сбережения, отвезла мальчонку в Долье, городок у южной границы Кольцегорья, в котором учился делу её муж, и отдала сына в подмастерья. И вот он вернулся зрелым мужчиной и мастером.

Батрачки Борщевиков по очереди бегали посмотреть на нового скорняка, а после шумно обсуждали, какой он пригожий да сноровистый, и как повезёт девице, которую он в жёны возьмёт.

– Ох, а я бы и без опаления такому уступила, – вздыхала Роса.

– Нашёлся бы ещё тот, кто бы тебя уговаривал, – насмешничали над грузной Росой подруги. – Эх, на кого замахнулась! Да Туман любую из мастеровых дочек выбрать может, и уж покраше тебя, батрачки босявой.

Роса кинулась мутузить обидчицу, у которой тут же нашлись заступницы. Завязалась склока.

Зара отошла от дерущихся и поспешила в сарай. Под сеном она закопала несколько мелких монеток, что дала ей Радуга. Зарины ботинки совсем развалились, подошвы приходилось приматывать верёвками, кожа рассохлась и потрескалась. Скорняк появился как нельзя более кстати.

У входа в скорняжную лавку толпился народ. Зара ждала своей очереди в сторонке, в высокой траве, чтобы никто не заметил её ног, обмотанных рогожей. Ботинки, завёрнутые в старый мешок, она прижимала к груди. А люди всё прибывали. Их вело сюда, скорее, любопытство, чем необходимость. Каждый, кто выходил из лавки, рассказывал о новом мастере, словно тот был какой-то диковиной. Наконец подошёл черёд Зары. Она робко вошла внутрь и поздоровалась, стараясь не смотреть на Тумана.

– Ну? Тебе пояс или кошель? – спросил скорняк усмехаясь.

Зара вытряхнула из мешка на прилавок ботинки, положила рядом монетки.

– Мне только починку. На сколько хватит.

Туман взял ботинок, пощупал иссушенную кожу.

– Тут уже ничего не сделаешь. Заплатки не к чему крепить. Проще пошить новые.

– Нет у меня денег на новые. Простите.

Забрав обувку, Зара вышла из лавки.

– Чего это ты тут шляешься, а? – Перед крыльцом, преградив путь, встала Яблонька. – Ты где быть должна?! За что только батюшка такую непутёху кормит!

За плечом Яблони возникла Горлинка. Видимо, эти двое разгуливали вместе не скрываясь. Ведьма тихо шепнула:

– Остынь!

Но Яблонька уже распалилась. Да и скучающий у лавки люд обратил к ним любопытные взгляды. Застигнутая за бездельем Зара непременно должна была понести наказание от хозяйки.

– А ну, показывай, чего в мешке! – Яблонька выхватила старые ботинки, брезгливо скривилась и отшвырнула их в пыль. – И чем ты, голодранка, расплачиваться собиралась?

Зара так и сжимала монетки в ладони и от крика сестрицы невольно отвела руку за спину. Яблоня уловила нечаянное движение и вцепилась Заре в запястье, больно выкручивала, пока не увидала монетки под пальцами.

– Воровка! Так-то ты батюшке на доброту отвечаешь?

Яблоня ударила наотмашь невестку по лицу. Зара пошатнулась. На передник из разбитого носа заструилась кровь. Вторая оплеуха сбила с ног.

– Не смей! – На крики выбежал Туман и встал перед Яблоней, заслоняя Зару. – Вон с моего двора!

Скорняк помог Зарнице подняться, завёл в лавку, в каморку за занавесью, и усадил на табурет. Затем принёс кувшин с водой, таз и полотенце. Смыл кровь и грязь с лица, приложил мокрую тряпку к носу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.